

Т. И. Краснова

Основы русской грамматики

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

*

СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филол. наук, проф. *Г. М. Васильева* (РГПУ им. А. И. Герцена)

канд. филол. наук, доц. *А. И. Дунев* (РГПУ им. А. И. Герцена)

*Работа выполнена на кафедре теории речевой деятельности
и языка массовой коммуникации
факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета*

Краснова Т. И.

Основы русской грамматики. Языковая норма. Слово и предложение: Материалы лекционного курса.. - СПб.: Сударыня, 2007. – 95 с.

Пособие содержит учебные материалы вводной части курса лекций по русскому языку, читаемого на факультете журналистики СПбГУ. В пособие включены вопросы, часть которых недостаточно освещена в учебной литературе, хотя актуальна для понимания строения языка и современного состояния литературной речи.

Для студентов-журналистов и филологов.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
Раздел 1. Язык и речь: определение и соотношение. Современный русский	
литературный язык: основные понятия	5
§ 1 Язык и речь (их определение и соотношение).....	-
§ 2 Современный русский литературный язык (основные понятия).....	7
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	14
Раздел 2. Литературная норма. Отклонение от норм. Языковая нормализация.	
Понятие языкового пуризма	15
§ 1 Норма литературного языка. Отклонение от норм. Языковая нормализация.....	-
§ 2 Понятие языкового пуризма.....	19
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	23
Раздел 3. Изменения норм, их причины. Активные процессы	
в современном русском литературном языке	26
§ 1 Изменения норм, их причины.....	-
§ 2 Активные процессы в современном русском литературном языке (слово, словосочетание, предложение).....	32
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	39
Раздел 4. Единицы языка, их назначение. Общая характеристика слова	
как номинативной единицы языка. Взаимодействие лексики и	
грамматики	41
§ 1 Служебные и знаменательные слова. Понятие словоформы. Функции слова. Слово как знак и как символ.....	43
§ 2 Лексическое значение и его структура. Типы лексических значений.....	52
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	64
Раздел 5. Общая характеристика предложения как коммуникативной единицы	
языка	66
§ 1 Основные признаки предложения и вопрос о модальности в грамматике. Понятия грамматической формы и грамматического значения. Типы грамматических значений.....	68
§ 2 Функции предложений в языке, функционально-смысловые типы предложений в речи. Структура предложения, виды его членения в грамматике.....	81
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	90
Приложение (ключ к заданиям 7 разделов 2-3).....	92

Предисловие

Предмет наших занятий – русская грамматика в ее научных основах.

Грамматика - это наука, изучающая слова в их связях в составе предложения. Современную грамматику отличает теоретическая многоплановость. Она рассматривает строение предложения и его компонентов с разных точек зрения, не упуская из виду функционально-коммуникативную природу высказывания. Грамматика приучает говорящего среди потенциальных средств выражения мысли делать осознанный выбор с учетом направленности сообщаемого.

«Вы не работаете над фразой: ее надо делать – в этом искусство», - писал А. П. Чехов молодому автору, начинающему свой путь в литературе. В. Г. Белинский называл грамматику «логикой языка», «прикладной философией слова человеческого». «Нет никакого сомнения, - писал он в работе «Грамматические разыскания», - что когда к инстинктивной способности хорошо говорить или писать присоединяется теоретическое знание языка, сила способности удваивается, утраивается. Грамматика не дает таланта, но дает таланту большую силу».

Процесс изучения языка связан с процессом обучения языковому мышлению. Под языковым мышлением понимают приемы или способы членения действительности на предметы, события, факты, установление связей между ними, процесс их наименования и вместе с тем оценки, выработку новых понятий и представлений, интерпретацию наблюдаемого и познаваемого.

Формы мысли универсальны, в строении мысли повторяются общие черты, закрепленные в строении предложения: это субъект и предикат, то есть предмет мысли и сообщение о нем, это явное или неявное присутствие в мысли лица говорящего и лица его адресата (собеседника).

В центре внимания курса «Основы русской грамматики» находится лексико-синтаксическая характеристика единиц языка (слова и предложения) и строение предложения, представленное в дополняющих друг друга аспектах: нормативном, формально-грамматическом, семантическом, смысловом и актуальном. Ввиду лексикализованности грамматики рассматриваются вопросы, связанные с изучением структуры лексического значения, типами значений в языке и речи, без чего невозможно полноценное изучение единиц коммуникации.

Данное пособие представляет собой материалы вводной части годового курса «Основы русской грамматики», читаемого студентам факультета журналистики СПбГУ.

Содержание этих материалов в некоторых аспектах шире состава самих лекций и служит дополнением к ним.

В разделах 1-3 пособия рассматриваются категории «язык» и «речь», понятие «современного русского литературного языка», но основное внимание привлечено к нормативным аспектам языкового существования (изменению норм, их причинам, активным процессам в современном языке).

Разделы 4-5 пособия отведены для общей характеристики главных единиц языка – слова и предложения. Эта характеристика складывается (с учетом дихотомии «язык» - «речь») из функциональной, семантической и структурной составляющих.

Разделы содержат литературу, контрольные вопросы и задания.

Раздел 1

Язык и речь: определение и соотношение. Современный русский литературный язык: основные понятия

«Язык» и «речь» - кардинальные и самые общие понятия современной грамматики, без которых мы не можем обойтись, так как они воплощают теорию и практику живого языка в их разностороннем взаимодействии.

§ 1. Язык и речь (их определение и соотношение)

Язык - стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире.

Несколько пояснений.

Язык рассматривается в лингвистике как многоуровневая система со своими единицами на каждом уровне. Выделяют **фонетический** (единица: звук, фонема), **лексический** (единица: слово, лексема), **морфологический** (единица: морфема, часть речи), **синтаксический** (единицы: словосочетание, предложение) и **стилистический** (единица: коннотация, добавочное значение) уровни языка.

Закономерен вопрос: как именно язык способен выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире?

Мир с детства познается человеком, благодаря окружающему, через наименования, то есть словесным путем. Не случайно *словарь* называют таксономией *семантики*, то есть совокупности значений, закрепленных в языке и речи. Словарь любого языка представляет собой определенный путь познания мира через соотношение языковых знаков и их значений. Это с одной стороны. С другой стороны, говорящий постепенно овладевает навыками правильного построения фразы. Освоение *грамматики* во всем ее разнообразии повышает способность человека к пониманию существующих связей, к языковому мышлению – основному пути познания в мире идеального и реального.

По мере освоения человеком действительности всякое знание и переживание получает основу для своего выражения в слове - устном и письменном. В этом смысле язык (его знание) и речь (его практическое воплощение) выступают как явления нераздельные, включающие одно в другое. То, что в речи возникает как факт употребления, находит отражение в системном описании языка. В жизни язык и речь неделимы, всевозможные

формы литературной деятельности (рассказ, беседа, договор, полемика, пропаганда и др.) возникли на базе языка, а осуществляются в форме речи.

В то же время традиция, существующая в лингвистике, разделяет категории языка и речи, то есть находит основания для их противопоставления. Оно весьма условно и, вместе с тем, продуктивно для объяснения многих специфически речевых явлений на фоне абстрактной, зафиксированной в грамматиках, словарях, справочниках, многоуровневой системы языка. Как говорят лингвисты, языковая система имеет характер своеобразного кода, речь же является р е а л и з а ц и е й этого кода.

Речь выступает как конкретное говорение в звуковой форме (включая внутреннее проговаривание) или в письменной форме. Под речью принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, то есть речевую деятельность, - речевые произведения, фиксируемые памятью и техническими средствами, письмом.

Впервые оппозиция языка и речи была представлена в лекциях швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра (1916 г.) по признакам *социальное / индивидуальное* и *пассивное / активное*. По Соссюру, *язык* – система знаков, *социальное и психическое* явление, пассивно принимаемое говорящими – изучается лингвистикой языка; *речь* – *индивидуальное и психофизиологическое* явление, активное использование кода в соответствии с мыслью говорящего – изучается лингвистикой речи, теорией речевой деятельности.

В современной науке оппозиция речи и языка усматривается в следующем:

Речь единична как творчество индивида, субъективна и произвольна.	Язык – явление социальное, это достояние всего общества; необходимое объективное данное.
Речь устремлена к определенной цели.	Язык – нет.
Речь актуальна. Речь ситуативно обусловлена.	Язык потенциален. Язык независим от обстановки общения.
Речь конкретна и неповторима.	Язык абстрактен и воспроизводим.
Речь, будучи событием, развертывается во времени и пространстве.	Язык - явление относительно статическое.
Речь подвижна.	Язык стабилен.
Речь бесконечна.	Язык как система ограничен определенным набором составляющих.

В соответствии с разной практикой существования явлений языка и речи, использование этих понятий, их научные описания обладают существенными, в том числе

терминологическими, отличиями. Язык и речь различаются единицами наблюдения (предложение и высказывание), типами своих значений (языковые и речевые, прагматические). Отмечены различия в трактовке некоторых одноименных категорий языка и речи (например, категории модальности).

В центре внимания лингвистики всегда находился субъект речи, человек. В этой связи говорят об антропоцентризме языка и эгоцентричности речи. В. фон Гумбольдт отмечал, что антропоцентрическая сущность языка подразумевает употребление человеком языковых средств «выражения своей неповторимой самобытности». В то же время, по Гумбольдту «речевая деятельность даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека» (Гумбольдт, 1984).

§ 2. Современный русский литературный язык (основные понятия)

Наименование *современный* подразумевает хронологические рамки и понимается в узком и широком смыслах.

В узком смысле «современный» – это язык конца XX столетия (начиная с эпохи «перестройки»), язык «нынешний», письменный и устный.

Не раз отмечалось, что события этого времени по своему воздействию на общество и язык подобны революции. С падением тоталитарной системы люди начали говорить и писать свободно. Раскованность и раскрепощенность говорящего подействовала на все «механизмы» языка. В этой связи появились работы, специально посвященные «состоянию русского языка современности» (Ю. Н. Караулов, Е. А. Земская, Л. П. Крысин, Г. Н. Складневская, М. В. Китайгородская и др.). Оценивая состояние современного языка, исследователи считают необходимым разграничивать три явления: 1) систему языка, 2) языковую способность (умение говорить, «ассоциативно-вербальную сеть», по Караулову), 3) тексты на данном языке. Из них первое – система языка – изменилась незначительно. Тут русскому языку ничего не угрожает (Караулов 1991).

В широком смысле «современный» - это язык целой исторической эпохи от Пушкина до наших дней и, главным образом, письменный. Язык этого периода мы понимаем без обязательного привлечения дополнительных средств – специальной грамматики и словаря. В приведенном ниже отрывке из «повестей Белкина» архаическая фразеология, отдельные историзмы не мешают общему, ясному для нас, течению авторской мысли:

«До обеда кое-как еще дотягивал я время, толкуя со старостой, разъезжая по работам или обходя новые заведения; но коль скоро начинало смеркаться, я совершенно не знал куда деваться. Малое число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, были вытвержены мною наизусть.

Все сказки, которые могла запомнить ключница Кирилловна, были мне пересказаны; песни баб наводили тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да признаюсь, побоялся я сделаться *пьяницею с горя*, то есть самым *горьким* пьяницею, чему примеров множество видел я в нашем уезде. Близких соседей около меня не было, кроме двух или трех *горьких*, коих беседа состояла большею частию в икоте и воздыханиях. Уединение было сноснее». (А. С. Пушкин. Выстрел)

Современным лексике и фразеологии (*дотягивать до обеда, не знать куда деваться, наводить тоску, приняться за, беседа состояла в, горький пьяница*) в повести сопутствует значительная доля лексики и фразеологии архаической. Однако архаизмы (*коих, воздыхания*), историзмы (*ключница, уезд*) вполне понятны современному читателю: они присутствуют в нашем культурном сознании. Фразеология языка Пушкина – это словосочетания нашей литературно-разговорной речи. Ср.:

- выражение *дотягивать время до...* толкуется в современном словаре (МАС) как «прожить, просуществовать до какого либо срока» (у Пушкина: до обеда);
- выражение *вытвердить наизусть* дается и в современном словаре со значением «неоднократно повторяя, выучить»;
- выражение *малое число*, то есть «незначительное количество», имеет в современном словаре помету устар., то есть устарелое;
- грамматически устаревшей, но совершенно понятной, является падежная форма выражения *большею частию*.

Очевидно, что в нашей речи наблюдается лишь незначительное видоизменение форм языка Пушкина, которому сопутствует исторически новая семантика. Как бы странно ни звучало сейчас выражение *разъезжать по работам*, современный вариант слова «работа» в значении «та или иная деятельность по созданию, изготовлению, обработке чего-либо» в современном языке до сих пор присутствует. Существует и незначительно видоизмененное в новых обстоятельствах речи выражение «ездить по работе», то есть «выполнять какое-то задание, связанное со службой, с работой».

Словосочетание *обходить заведения* встречается сейчас в комически-архаичном употреблении – *обходить питейные заведения*. Обычным для нашей эпохи является употребление слова *заведение* в значении 1) «учреждение, предназначенное для обучения»: *Высшие учебные заведения. Среднее учебное заведение*. Однако в современном толковом словаре мы находим еще два из трех вариантов значения слова *заведение*, которые в современной экономической ситуации получают новый стимул для жизни в речи: 2) «торговое или промышленное предприятие (мастерская, магазин и т.п.)», 3) «действие по глаг. Завести – заводить». Следовательно, перед нами живое современное слово, которым широко пользуются, по крайней мере, больше двухсот лет.

Интересно выражение писателя - «статься *пьяницею с горя*, то есть самым *горьким* *пьяницею*». В академическом «Словаре языка Пушкина» данное употребление характеризуется как каламбурное. Это действительно так: в тексте выражение «кроме двух или трех *горьких*», по смыслу адекватное слову «соседей», воспринимается как комическое.

Легко заметить, что употребление *горький пьяница* стало расхожим в русской речи. Метонимический перенос по смежности, когда наименование водки (*горькая*) переносится на пьющего, добавил к значению «горький пьяница» смысл «горемычный, несчастный» человек. Здесь же присутствуют ассоциативные смыслы, характеризующие обстоятельства жизни - «горестные, бедственные, тяжкие». Все эти разнообразные смыслы слова *горький* отмечены в академическом «Словаре языка Пушкина». Так, разрабатывая слово, писатель предвосхитил его общенародную семантику. По выражению Тургенева, Пушкин «дал окончательную обработку нашему языку», необыкновенно богатому, сильному «по логике и красоте формы».

Справедливо и другое замечание, принадлежащее языковеду А. М. Пешковскому: «Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» (Пешковский, 1984).

Наименование *русский* включает пространственные рамки в понятие язык. Оно означает, что наш язык занимает свое место в составе в о с т о ч н о с л а в я н с к о й группы с л а в я н с к о й ветви и н д о е в р о п е й с к о й семьи языков.

Родство языков было установлено в результате развития сравнительно-исторического метода в языкознании XIX века (основоположники - Р. Раск, Ф. Бопп, А. Х. Востоков). Толчком для доказательства общего происхождения индоевропейских языков послужило открытие, а затем исследование литературного языка древней Индии - санскрита.

Изучение живых и мертвых языков методом сравнения, реконструкции архетипов, составления таблиц аналогий подтвердили предположение о родстве языков восходящих к одному общему источнику, который уже больше не существует, например, праславянский и, в более широком смысле, индоевропейские языки. Осталось сходство в звуковых соответствиях, в корнях и формах грамматики, которое не может быть результатом случайности. По определению, два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше (А. Мейе).

Для сравнения лексики особенно показательны были те слова, которые исторически могли относиться к эпохе «языка-основы». Это имена родства, имена числительные (до десяти), личные местоимения, слова, обозначающие части тела, названия некоторых животных, растений, орудий. Ср. (см.: Реформатский, 1967):

русс. *мать*, лит. *motė*, санскрит *mātā(r)*, др.-персид. *ha-mātā*, греч. *metēr*, лат. *māter*, франц. *mere*, англ. *mother*, нем. *Mutter*;

русс. *ты*, лит. *tú*, санскрит *tuvam*, др.-персид. *tuvəm*, греч. *ty*, лат. *tū*, франц. *tu*, англ. *thou*, нем. *du*;

русс. *нос*, лит. *nósis*, санскрит *nasa*, др.-персид. *nāham*, лат. *nārēs*, франц. *nez*, англ. *nose*, нем. *Nase*.

Перечислим родственные русскому языку группы и подгруппы живых языков.

Ближайшие «родственники» русского по *восточнославянской* группе – украинский и белорусский языки.

Дальше располагаются языки южнославянской и западнославянской групп. К *южнославянской* группе относятся болгарский, македонский, сербохорватский, словенский языки. К *западнославянской* группе принадлежат польский, чешский, словацкий, кашубский, серболужицкий языки.

Из дальних «родственников», самые близкие русскому языку генетически и территориально – языки *балтийские* (литовский, латышский). Отдаленными родственными группами индоевропейских языков для русского являются также языки: *германские* с их *скандинавской* подгруппой (датский, шведский, норвежский, исландский) и *западногерманской* подгруппой (английский, голландский, немецкий, идиш), *романские* языки (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский, молдавский и др.), *кельтская* группа языков (ирландский, шотландский), а также *индийские* (хинди, урду и др.), *иранские* (персидский, таджикский, курдский, осетинский и др.), *греческая*, *армянская* группы языков и др.

С п р а в к а. Не родственными являются семьи семито-хамитских, кавказских, финно-угорских языков, семьи тюркских, монгольских, китайско-тибетских и др. неиндоевропейских языков.

Следует добавить, что по своему строению русский язык относится к **ф л е к т и в н ы м** языкам (англ., франц. и др.), то есть к таким, в которых велика роль грамматической формы, окончания (флекси). Существуют еще **и з о л и р у ю щ и е**, или **корневые**, языки (китайский), **п о л и с и н т е т и ч е с к и е** языки (например, индейские в Америке). См. Реформатский А.А. Классификация языков // Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967 и послед. изд.

Термин **литературный** язык подразумевает **ф о р м у** общенародного языка, понимаемую говорящими как образцовая. Эта наиболее представительная, прошедшая

культурную обработку в литературе форма играет ведущую роль среди других разновидностей языка, территориально или социально ограниченных (просторечия, диалектов).

Литературный язык считается общепринятым языком образованного общества – языком книг, театра, школы, средств массовой информации, языком государственного значения. Выработывая оптимальные способы выражения идей, мыслей и эмоций, обозначения понятий и предметов в разных сферах функционирования, литературный язык закрепляет устойчивые формы их выражения как нормированные. Особенности системной языковой формы кодифицируются и рекомендуются в различных нормативных изданиях (академических грамматиках, в справочниках, словарях, учебниках). Их соблюдение носит характер предписания, своеобразной коммуникативной этики.

Признаками литературного языка выступают его *обработанность, нормированность, наличие письменной формы и кодификация, общераспространенность и общеобязательность*, развитость его *функционально-стилистической системы*. Набор этих признаков позволяет отличать литературный язык от тех понятий, которые иногда с ним смешиваются.

1. Следует различать понятия «литературный язык» и «письменный язык». Литературный язык функционирует в двух формах - устной и письменной. Нельзя забывать, что литературный язык возник на основе московского наречия. Это было наречие местного племени, хотя и занимавшего определенную территорию, но объединившего весь народ вокруг одного центра. Недаром язык московских театров (Малого и Художественного) долгое время был эталоном русского литературного произношения.

Хорошая литературная речь в устной форме (беседа, доклад, публичное выступление) – не редкость и всегда обращает на себя внимание. Следовательно, литературный язык по форме не всегда письменный.

В то же время письменный способ общения, в условиях отсутствия непосредственного адресата, диктует соблюдение литературных норм для адекватного понимания сказанного: письменный язык, как правило, литературный. В силу своей богатой истории, а также подготовленности со стороны говорящего, письменный - наиболее точный, насыщенный выразительными средствами язык.

С п р а в к а. *Возникновение письменности на Руси. Старославянский язык.* С письмом связывают переход от варварства к цивилизации. Письмо относят к величайшим творениям человеческого разума: оно не только показатель высокого уровня предшествующего развития народа, но и мощный фактор его последующего развития.

Возникновение письменности на Руси связано с принятием христианства и относится к концу X века (988 г. – летописное свидетельство о крещении Руси). Христианство как книжно-письменная религия требовало высокой точности, идентичности канонических текстов, общей долговременной памяти и достаточно длительной письменной традиции.

Современный русский алфавит является непосредственным продолжением одной из старославянских азбук, кириллицы. Такое название азбука получила в честь первого христианского просветителя славян, одного из создателей славянской письменности (другим был его брат Мефодий) Константина Философа, имевшего в конце жизни второе монашеское имя Кирилл.

Кириллица была создана на основе греческого алфавита византийской эпохи, который в свое время возник на базе финикийского алфавитного письма, также имевшего свои источники (в частности, древнеегипетское фонетизированное иероглифическое письмо, известное с IУ тысячелетия до н. э.)

Создание старославянской письменности относится ко 2-ой половине IX века н. э. (ориентировочно – 863 г.). Книгопечатание введено в 60-е г. XVI в. (первая книга «Апостол» – 1564 г.).

Старославянский язык – исключительно письменный (книжный) язык, ставший своего рода международным языком славянства в раннефеодальную эпоху. Братья Кирилл и Мефодий создали на болгарско-солунской основе письменный язык, служивший проводником религиозных и политических идей (православная и католическая церкви боролись за сферы влияния).

Когда старославянский язык распространился на Руси, здесь уже существовали начатки письменного языка древнерусского славянства, имевшие торгово-бытовое назначение (пример – надпись на глиняной посуде, берестяные грамоты). Распространение старославянской письменности, многочисленных переводов византийских книг имело громадное культурное значение, осуществляя связь с античностью через Византию. В дальнейшем на Руси выработался самобытный древнерусский письменный язык, который развивался в двух направлениях – церковнославянском и светском книжно-письменном.

К признакам старославянизмов в современном русском литературном языке относятся: неполногласие (сочетания *ра, ла, ре, ле* на месте русских *оро, оло, ере, еле* как, например, в словах *храм* – русс. *хоромы*, *глава* – русс. *голова*, *древо* – русс. *дерево*, *плен* – русс. *полон*); сочетание *жд*, как в слове *наваждение*; начальные *е, ю* в словах *единый* – русс. *один*, *юноша* – русс. *уноша* и т.п.; формы причастий и деепричастий с суффиксами *-ущ, -ющ, -ащ, -ящ*; суффикс существительного *-ени*, как в слове *вознесение*. Признаком выступает и высокая стилистическая окраска старославянских слов по сравнению с исконно русскими: *истина* \ правда, *излить* \ вылить, *преступить* \ переступить и т.п.

2. Общепринятость, общепонятность и потому общепонятность литературного языка отличает его от других форм, или разновидностей, русского национального языка: территориальных диалектов, просторечия, профессиональных и социальных жаргонов. Сравните выражения: а) диалектные *пахать* (подметать), *вечерить* (ужинать), *сколько поминальных выто!* (много поминали умерших), б) просторечные *подгинать* (подгибать), *малированный* (эмалированный), *хворобина* (заболевание), в) жаргонные *идти на резину* (совершать карманные кражи в троллейбусе, в автобусе), *крутиловка* (облава), *теща* (милиция). Их использование требует мотивировки, специальных пояснений.

Текст, звучащий или специально написанный как диалектный (жаргонный) ограничивает смысловые возможности восприятия со стороны непосвященных:

- Уж до чего ветер хизный сегодня. - Какой? - Ну, пронизущий, по-вашему (пример В.Д. Черняк).

Сосед слева заполняет тетрадь какими-то графиками, таблицами. – Что это у тебя? – *Лабу делаю*, - отмахивается он. - Сдавать сегодня.

«Лаба» - это лабораторная работа (Комс. правда).

Справедливо будет сказать, что нормы, или некие стандарты выражения, присущи не только литературному языку, но и любому жаргону и говору. Впервые об этом заявили ученые «Пражского лингвистического кружка», затем это положение стало общепризнанным. Следовательно, именно общепонятность и общепринятость отличают «литературное наречие» (выражение А. М. Пешковского) от нелитературных.

3. Недопустимо смешивать литературный язык с одной из его разновидностей - языком художественной литературы. Закрепляющий норму литературный язык консервативен: в нем все регламентировано, все работает по правилам, по стандарту.

Язык художественной литературы напротив работает по законам образного отклонения от стандарта. Здесь действует закон новизны, приоритет неожиданности, возникающие на фоне нарушения норм. При анализе художественных текстов на это следует обращать особое внимание.

Так, стихотворная цитата, посвященная родному языку, строится на логическом несоответствии, когда последующий элемент составляет опровержение предыдущего:

Мой верный друг, мой враг коварный,
 Мой царь, мой раб, родной язык.
 Мои стихи – как дым алтарный.
 Как вызов яростный – мой крик.
 (В. Брюсов)

Очевидно, что как раз отклонение от литературной нормы на образной основе позволяет выразить авторскую мысль о непростых отношениях между писателем-творцом и родным языком, идею одновременных борьбы с языком и служения ему.

Пример из современной художественной прозы показывает, как в рамках одного предложения сочетается несочетаемое, с точки зрения норм литературного языка. Языковые несоответствия в тексте выделены графически:

Соседка вздохнула свободно, *запела и зашевелилась*, она-то была *одинокая брошка*, то есть брошенная жена, *вернее, даже не жена, а так, получила по разъезду* однокомнатную квартиру, и кто-то у нее поселился, *жил, приколачивал полку* на кухне, даже кое-что купил *для снаряжения уборной* как настоящий хозяин, *пришел с седлом в упаковке, поставил его на болты*, приговаривая, *что что же это за сиденье, сидеть нельзя*. А потом вернулся к себе *к матери*. (Л. Петрушевская)

Благодаря наблюдаемым противоречиям (логическим, стилистическим, грамматическим) на письме передается спонтанность, кажущаяся неподготовленность, неправильность устной речи, эмоциональное нагромождение речевых структур. В результате возникает феномен стиля - сказовая манера письма, характерная для художественного повествования с его живыми образами и картинами. Но такая разновидность далека от общепринятой литературной речи.

Литература

- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
Зиндер Л. .Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.
Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.
Моисеев А. И. 1000-летие русского письма // Наука и жизнь. 1976. № 3. С. 88-91.
Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // основы культуры речи: Хрестоматия / Сост. Л. И. Скворцов. М., 1984. С. 238-249.
Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
Русские писатели о литературном труде. Сб. в 4-х томах. Л., 1955.
Русский язык. Энцикл. М., 1989.
Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски? М., 1980.
Словарь воровского языка: слова, выражения, жесты, татуировки. НИЛПО, 1991.
Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР. М, 1981-1984.
Словарь языка Пушкина: в 4-х томах, Т. 1. М., 1956.
Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1998.
Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите признаки, по которым в лингвистике разграничивают ЯЗЫК и РЕЧЬ. Почему такое разграничение считают условным?
2. Какие уровни входят в представление о системе языка? Назовите их единицы.
3. Почему наименование «современный язык» понимают в широком смысле?
4. Как было установлено родство языков? Назовите языки, родственные русскому.
5. К живым или мертвым языкам относится старославянский? В каких государствах отмечают «День славянской письменности»?
6. Назовите 6 признаков литературного языка, отличающих его от других разновидностей национального языка.

Раздел 2

Литературная норма. Отклонение от норм. Языковая нормализация. Понятие языкового пуризма

Литературная норма есть существование языкового идеала, подкрепляемого книжно-письменной традицией и живым, звучащим образцом речи представителей старшего поколения. Нормой признается «то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» (А. М. Пешковский).

Обратимся к понятию нормы как главной составляющей литературного языка.

§ 1. Норма литературного языка. Отклонение от норм. Языковая нормализация

Языковая норма – это общепринятые в речевой практике образованных людей правила произношения, употребления слов, грамматических форм и других языковых средств (например, стилистических), действующие в данный период развития языка.

Литературный язык и языковая норма – понятия нераздельные. Л. В. Щерба, один из представителей Петербургской лингвистической школы 1 пол. XX столетия, так выразил свое отношение к литературному языку и его нормам: «...наш литературный язык заставляет нас отливать наши мысли в формы, им заранее заготовленные, ...иногда шаблонизирует нашу мысль; но дальше оказывается, что он же дает материал для преодоления этих форм, для движения мысли вперед. Ищущим, настойчиво добивающимся он позволяет быть творцом выражения новой мысли, он позволяет дополнять и развивать себя. Таким образом, он является и нашим отцом и нашим детищем. Что же может быть ближе и дороже нам, чем «наш литературный язык»?»

Норма литературного языка выступает в речевой деятельности как необходимый фон знаний и, главное, навыков, без которых невозможен любой род занятий, успех в современном мире общения. С нормой языка связано понятие **культуры речи**. Культура в принципе есть система норм и запретов, ограничений и разрешений.

Некоторые ученые предлагают говорить о «правильности речи» и «культуре речи» как двух ступенях освоения литературного языка и двух способах владения им (Л. И. Скворцов). Правильности речи обучают в школе. Культура речи требует более существенного вклада говорящего в свое желание говорить и писать хорошо. Она требует начитанности, выразительности мысли, стремления читать вслух и наизусть, доброжелательного отношения к окружающим и т.п. Культура речи оперирует оценками: уместно / неуместно, лучше / хуже, точно / неточно, выразительно / невыразительно и т. п. В то время как представление о

литературной норме больше ориентируется на однотипную реакцию – правильно / неправильно.

На данном этапе нас интересует *первичное владение* литературной нормой, или «языком как системой нормативно тождественных форм», по выражению М.М. Бахтина. Оно подразумевает внутреннее ощущение правильности или неправильности речи, которое должно быть подкреплено языковым знанием моделей построения, правил употребления языковых единиц, соблюдением культурного обычая (тезауруса) речи.

С п р а в к а. Культурный обычай речи подразумевает, в частности, и так называемые, постулаты речевого общения (П. Грайс). Их называют принципами кооперации, взаимодействия говорящего и слушающего. Это аксиомы общения, из которых выводится все остальное, по которым судят о достоинствах или недостатках процесса общения.

Принципы Грайса включают: постулат истины (не лжи), постулат полноты (достаточной для понимания), постулат контекстной релевантности (включенности в фоновый контекст, известный обоим собеседникам), постулат прозрачности (непротиворечивости). Как негласные правила, или конвенции, они составляют социальную норму и запрещают то, что в норму не укладывается (например, запрещены оскорбительные намеки, нецензурные выражения).

Вернемся к языковой норме и отклонениям от нее, которые квалифицируются по-разному, в зависимости от того, *каким* является существо этого отклонения.

1) Традиционно фиксируются *исторические отклонения от современной нормы*. Их нельзя квалифицировать как ошибки, или речевые неправильности (как часто делается в студенческих контрольных работах). Они связаны с историей литературного языка и соответствовали существовавшей когда-то норме речи. Таковы пояснения читателю в книге Н.М. Карамзина «История государства Российского»: *Ходить въ дань* значило тогда объезжать Россию и собирать налоги; *кльти*, или горницы, съ обьих сторон дома раздѣлялись *помостомъ*, или сѣньми; спальни назывались *одринами*.

Выполняя задания контрольных работ по описанию исторических отклонений от нормы, следует правильно отмечать *х а р а к т е р о т к л о н е н и я*. Для этого необходимо устаревшему варианту выражения сопоставить параллельный современный вариант.

Приведем пример.

Посмертное издание пушкинского «Евгения Онегина» сопровождалось на подтитльном листе разрешением цензора, в котором находим исторические отклонения от современных норм правописания, словоупотребления, грамматики.

*Печатать позволяется
с тѣм, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитет
узаконенное число экземпляровъ.*

Апрѣля 3 дня 1837 года

Ценсоръ Никитенко

Помимо архаических слов в словосочетаниях *печатать* *позволяется* (современный вариант *разрешается*), *узаконенное* (современный вариант *принятое, установленное*) *число экземпляров*, в тексте встречаются следующие отклонения от нынешних грамматических норм:

- отклонение от норм современного словесно-предложного управления: *по напечатаніи* = современный вариант *после напечатания*;

- отклонение от норм современного согласования: *представлены были число экземпляров* = современный вариант *представлено было число экземпляров*;

- грамматическая связь с *тѣм, чтобы* имеет узко ограниченный характер и заменяется в современном употреблении условным союзом *при условии, чтобы...*

- отклонение от норм современного порядка слов при обозначении даты: *Апрѣля 3 дня 1837 года* = современный вариант *3 апреля 1837 года*.

2) Отклонение от нормы расценивается как *ошибка, языковая неправильность*, если нарушаются внутренние законы языка: правильное произношение и написание, словоупотребление и словоизменение, строение словосочетания или фразы. Литературная норма, как и язык, имеет системный характер, что позволяет фиксировать отклонения от нормы. Квалификация ошибок должна даваться с учетом языковых уровней и указанием характера нарушения:

углубить (вместо *углуби́ть*), *привезенный* (вместо *привезе́нный*), *дермантин* (вместо *дерматин*) – нарушение нормы произношения (орфоэпической нормы ударения);

Кремль выслушал ходаков; Псковчан призывают...(РГ); Санкт-Петербургский Государственный Университет, как один из ведущих вузов находится на передовом крае образовательного прогнозирования - нарушение орфографических норм (*ходок*), норм словообразования и словоизменения (*псковитяне – псковитян, псковичи - псковичан*), правописания имен собственных и нарицательных (*СПбГУ, но государственный университет*), пунктуационных норм (обороты со словом *как*);

визжит как зарезанный (вместо *недорезанный*); *Не удержал мяч вратарь, но добить его* (вратаря?) *было некому* – комизм, потеря логики речи из-за нарушения семантико-морфологической нормы выбора слов: двусмысленность местоимения *его*;

Я не позволю играть над собою (вм. *играть собой*); *Преподаватель физкультуры организовал* (что?) *и руководит кружком по плаванию* – нарушение грамматической нормы в построении ряда однородных членов с глагольным управлением;

Пройдя немного, показалась дверь, обитая медью; Наташа Ростова отдала телеги раненым, на которых семья собиралась эвакуироваться из Москвы - нарушение грамматической нормы в синтаксическом строении предложения (неправильное,

бессубъектное употребление деепричастного оборота; неверный порядок слов с использованием придаточного предложения).

Сегодня в город прибыло 50 вагонов картошки (вместо *картофеля*); *Потеряли надежду смять полк* (вместо *одолеть врага*) – нарушение стилистической нормы (не соответствующая началу фразы разговорная окраска ее концовки).

Очевидно, что одним из самых важных вопросов общественного и государственного устройства является вопрос о нормализации языкового состояния речевой деятельности.

Языковая нормализация начинается в детстве, в школе, благодаря заботам старшего поколения носителей языка, существующим учебным курсам, школьным учебникам и пособиям.

Необходимый уровень литературной речи в обществе поддерживается также выпуском многочисленных справочников по произношению, правописанию, литературному редактированию, изданием нормативных грамматик, словарей. Языковая норма словоупотребления зафиксирована в словарях разного типа: толковых, словообразовательных, фразеологических, орфографических, словарей паронимов, омонимов. Существуют и другие специализированные издания, среди которых выделяются, так называемые, словари трудностей (см. литературу в конце раздела). Немало нормативных справочников издается в помощь работникам средств массовой информации (СМИ).

Язык СМИ неслучайно вызывает озабоченность. С одной стороны, массмедиа находятся на переднем крае нормативно-регулирующей социальной деятельности. С другой стороны, они стараются отвечать интересам самых мелких общественных групп, индивидуальностей. В этом смысле журналисты несут свою ответственность за состояние русского литературного языка. Однако именно у них зачастую мы находим погрешности изложения, недопустимые для представителей образованной части общества.

1) Логически немотивированные, ошибочные сочетания слов: *Средняя продолжительность жизни сократилась с 68 до 64 лет. Причем реально умирать стали больше мужчины; Вчера на Триумфальной площади грянул обещанный митинг московских деятелей культуры, протестующих против снижения их зарплат; На сцену поднимались убитые сединами телестарцы и важные государственные мужья в лице Юрия Лужкова;*

2) нарушение грамматических норм управления а) в ряду существительных – однородных членов предложения: *В театре интерес и удовлетворение от работы гораздо больше;* б) глаголов: *Позвольте поинтересоваться о ваших преподавателях;*

Досадно наблюдать, как неправильно построенный вопрос корреспондента влечет за собой речевую ошибку собеседника:

- *А чем вы не перестаете удивляться?* (вместо *чему*)
- *Нашим прекрасным народом.*

Нормализующая деятельность подразумевает не только выпуск специализированных изданий, справочников, а также работу с авторскими текстами, которая традиционно ведется со стороны литературного редактора, корректора и т.п. Языковая нормализация затрагивает в обществе интересы многих. Она вызывает эмоциональную и рациональную реакцию известных ученых, писателей, деятелей культуры, а также читателей газет и журналов, пользователей радио и телевидения, сети Интернет, всех неравнодушных к состоянию современной речи. Об этом свидетельствуют критические публикации, отклики на передачи, простые человеческие реакции на необычные явления в русском литературном языке. Сравните: «Или возьмем хоть «яблоко». Сортов давно нету, этих-всяких шафран, ананасовка, кандиль-китайка. Синонимы и прочие тонкости быта исчезли, за *ненадобностью*. Картошка бывает – гнилая и *не гнилая*, молоко скисшее и *не скисшее*, штаны рваные и *не рваные*, человек нужный и *не нужный*» (З. Е. Журавлева – Новое время); «Люди стали богаче, а устная речь – беднее. На нее давит пресловутый вещизм, практицизм: о невещественном, об отвлеченном говорят меньше» (В. Шефнер – Лит. газета); «Что это за язык – файфы, гринь, герлы... Страна, где 80 процентов молодежи говорит на англоязычном сленге и хочет уехать на Запад, – страна обреченная (Арг. и факты).

Иронию образованной части общества вызывают многочисленные примеры нарушения норм в речи высокопоставленных деятелей. Многим не нравится, как говорят наши депутаты. Трудно относиться поощрительно к таким погрешностям, как нарушение норм словосочетания, связанное с глагольным управлением: *заслушали обстановку, решить через обсуждение, говорить за кандидатуры; ввести мораторий о том, с надеждой смотрим о том, зашевелились о том, палец о палец не бьем о том*; к тому же это нарушение часто сопровождается издержками образного языка: *долго мучились о том, чтобы открыть кран мнений*. Неслучайно было подготовлено и вышло в свет специализированное издание «Культура парламентской речи» (М., 1994). Неслучайно и другое: понятие «культура речи» объединяется с понятием «языковая политика» (В. П. Григорьев).

Вместе с тем не следует забывать о таком крайнем выражении нормализующей деятельности, как явление пуризма.

§ 2. Понятие языкового пуризма

Вообще говоря, *пуризм* (фр. purisme < лат. purus чистый) – это стремление к чистоте и строгости нравов, иногда показное.

Языковой пуризм – это стремление представителей образованной части общества очистить язык от иноязычных слов и выражений, от разного рода новообразований, диалектного, просторечного, жаргонного словоупотребления.

Как явление неоднородное в своей противоречивости, пуризм имеет и положительные, и отрицательные стороны.

Положительные стороны пуризма состоят в заботе о развитии самобытной национальной культуры. История литературы дает нам хорошо известные примеры языкового пуризма в русской действительности: Д. И. Фонвизин высмеял засорение русского языка галлицизмами в комедии «Бригадир», А. С. Грибоедов иронически называл речь русского мелкопоместного дворянства смешением «французского с нижегородским».

В научно-популярной литературе 60-х годов XX столетия появилась книга известного детского писателя К. И. Чуковского «Живой как жизнь», посвященная состоянию русского литературного языка в тот период. В доступной для широкой публики форме здесь рассматриваются типичные языковые проблемы общенародного значения. Писатель ставит вопрос о культуре русской речи и угрожающих ей процессах размывания стабильных норм литературного языка под действием разных факторов: вторжения «иноплеменных слов», «вульгаризмов», «шаблонов» и проч.

Отклонения от нормы в литературном языке К. И. Чуковский рассматривал в связи с ситуацией общения в разных языковых сферах (стилях). Своему читателю он говорит о мнимых и подлинных болезнях современного языка. «Мне кажется, - пишет он, - нам надлежит примириться с теми отклонениями от нормы, которые стали традицией в определенных замкнутых профессиональных кругах (все моряки говорят не ко́мпас, но компа́с, все шахтеры – не добы́ча, но до́быча...). Не нужно забывать о существовании так называемого фамильярного, домашнего стиля, которому никакие нормативные словари не указ» (Чуковский, 1966).

Другое дело засилье штампованных, казенных выражений в языке целого общества: *овладение ребенком родным языком, получил нижеследующее, выдана данная справка, заострим вопрос на, ввиду отсутствия фактора времени, благодаря пожару*. Писатель считал их социальным недугом и нашел для него название **канцелярит** (по аналогии с наименованиями болезней «дифтерит», «стоматит» и т.п.). «Охотно допускаю, что в официальных речах, - пишет Чуковский, - такие обороты бывают уместны, да и то не всегда».

В своей борьбе за чистоту и достоинство русской речи К. И. Чуковский проявил себя как настоящий пурист, со всей страстью выступая за строгое соблюдение норм и ответственность при оценке состояния общественного языкового сознания. В конце книги до

сведения читателя доводятся рекомендации автора и словарь-предписание из двух столбцов с заголовками «Нельзя говорить», «Надо говорить». Много в этом словаре бесспорно до сих пор. Но есть и такие примеры, которые свидетельствуют об изменении нормы: варианты, помеченные Чуковским как неправильные, сейчас широко распространены. В следующих примерах они подчеркнуты, и можно заметить, каким неактуальным оказался в этих случаях запрет.

Н е л ь з я г о в о р и т ь	Н а д о г о в о р и т ь
<i>исчерпа ть</i>	<i>исче рпать</i>
<i>кура</i>	<i>курица</i>
<i>курей</i>	<i>кур</i>
<i>малая то лика</i>	<i>малая то ли ка</i>
<i>мелько м</i>	<i>ме льком</i>
<i>нефтепро вод</i>	<i>нефтепрово д</i> и т.п.
<i>по десять раз в сутки</i>	<i>по десяти раз в сутки</i>
<i>холе ный</i>	<i>хо леный</i>
<i>Чего ты делаешь?</i>	<i>Что ты делаешь?</i>
<i>черное кофе</i>	<i>черный кофе</i>
<i>Я к вам подъеду</i>	<i>Я к вам приеду</i>

Норма не существует как нечто изолированное, допускающее только один способ выражения. Норма меняется вопреки позиции пуриста, а в процессе эволюции допускает вариантность (*по десяти раз в сутки - по десять раз в сутки*). В этой связи приходится говорить об определенных издержках стремления оградить язык от нежелательных явлений речи.

Отрицательные стороны пуризма состоят в его антиисторичности и субъективности, а иногда и в прямом консерватизме. В истории культуры известен, так называемый, *идеологический* пуризм в языке. С научным взглядом на факты языка пуризм имеет мало общего. Об этом свидетельствуют труды лингвистов, исследователей русского языка первой половины XX в. (Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Карцевский, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба).

Различию между нормативным и научным взглядами на языковые явления посвящена статья А. М. Пешковского «Нормативная и объективная точка зрения на язык».

Когда человеку, относившемуся к языку исключительно нормативно, говорит Пешковский, случается столкнуться с подлинной наукой о языке и с ее объективной точкой зрения, тогда... у него легко может зародиться отрицательное отношение к своему прежнему «норматизму». Какое-нибудь *вчера* для лингвиста будет не испорченным «вчера», а образованием чрезвычайно древнего типа, аналогичным древнецерковнославянскому «днесь» (дньсь) и современному народному «летось»; какое-нибудь *купалси, напилси* не будет испорченными «купался», «напился», а будет остатком чрезвычайно древнего образования возвратной формы с дательным падежом возвратного местоимения (*си* –

себе)...Даже чисто искусственные факты постановки человеком неверного ударения на слове (*ро́ман, по́ртфель*), дают интересный материал, по мнению Пешковского, для суждения о языковых ассоциациях данного индивида.

Объективной точкой зрения на предмет следует считать такую точку зрения, при которой эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – познавательное. Ни чувство, ни воля, конечно, не исчезают при этом, но они как бы переливаются целиком в познание, замечает А. М. Пешковский.

Если вернуться к современной языковой ситуации, то она изобилует фактами, вызывающими гнев не только образованного пуриста, но и простых обывателей, в особенности горожан. Неумеренное распространение в коммерции американизмов привела к необходимости языковой нормализации в быту (городская вывеска и торговая реклама). Фактом языка стало вхождение жаргонизмов, тюремного арго в фонд общеупотребительных средств языка. Эти слова уже не требуют пояснений, они распространены, всем понятны, но вряд ли являются украшением русской литературной речи. Сравните: *кантоваться* (находиться где-либо), *загреметь* (попасть под арест), *на хату* (домой), *капуста* (деньги), *амбал* (человек крепкого телосложения) и т.п.

С такими фактами трудно что-либо поделать, но можно стараться их понять. «Мне кажется, – пишет социолингвист Л. П. Крысин, – главное – плохая «языковая компетентность» большинства наших русских современников». Похожей точки зрения придерживается исследователь разговорной речи Е. А. Земская: «Та «порча» языка, о которой так много пишут, затрагивает не систему языка, а языковую способность (умение говорить) и, следовательно, порождаемые тексты» (Русский язык конца XX столетия, 1996).

Язык – отражение материальной и духовной жизни народа, которая в определенные эпохи переживает периоды спада или подъема. Однако можно активно сопротивляться распространению нежелательных языковых явлений в личной и общественной жизни. «Для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличным, как не уметь читать и писать...» (А.П. Чехов). Существует также мнение, что язык как объективно живой организм способен к постепенному самоочищению, отслоению маргинальных элементов, чуждых вечному и оздоравливающему духу народа.

Литература

- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М. 1984.
Головин Б.Н. Основы культуры речи. М. , 1980.
Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность. 2003. № 1.

- Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности. М., 1991.
- Крылов Г. А.* Словарь ошибок русского языка. СПб., 2006.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Основы культуры речи: Хрестоматия / Сост. Л.И. Скворцов. М., 1984, С 238-249.
- Правильность* русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления (опыт словаря-справочника). М., 1962.
- Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1994 и след. изд.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. М., 2002.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995).* М., 1996.
- Словарь ударений для работников радио и телевидения.* 5-е изд. М., 1984.
- Слитно или раздельно?* (опыт словаря-справочника). Изд. 3-е. М., 1982.
- Современный русский язык.* Часть 2: Практикум по основам русской грамматики. 1.1. Общее представление о литературной норме. СПб., 1999. С. 2-6.
- Соловьев Н.В.* Орфографический словарь с комментарием. СПб., 2003.
- Тихонов А.Н.* Морфемно-орфографический словарь. М., 2004.
- Трудности* словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / Словарь-справочник. Л., 1973.
- Трудности* русского языка / Словарь-справочник журналиста. М., 1974.
- Трудные случаи* употребления однокоренных слов русского языка / Словарь-справочник. М., 1968.
- Чуковский К.И.* Живой как жизнь (о русском языке). М., 1966.
- Штудинер М.А.* Словарь образцового русского ударения. М., 2004.
- Щерба Л.В.* Литературный язык и пути его развития // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, С.130-140.
- Щерба Л.В.* Основные принципы орфографии и их социальное значение // Там же. С. 45-49.

Контрольные вопросы и задания

1. Сформулируйте определение «языковой нормы» и объясните связь ее с понятием культуры речи?
2. Как поддерживается в обществе нормализация языкового состояния речевой деятельности?
3. Что такое языковой пуризм и в чем он проявляется?
4. Чем отличаются нормативная и объективно-научная точки зрения на язык?
5. На какие представления о системном устройстве языка следует опираться при квалификации исторического изменения нормы, а также квалифицируя отклонения от современной нормы (языковые ошибки)?
6. В приводимых ниже отрывках из произведений М. Загоскина, С. Аксакова, И. Тургенева укажите, какие случаи употребления слов или грамматических конструкций не соответствуют современным нормам. Объясните, в чем состоит это несоответствие. Подберите современный вариант. Затрудняют ли старые нормы восприятие текста?

Вскоре разговор обратился на другие предметы. Один из соседей Славолюбского, копия Скотинина, известного действующего лица в прекрасной комедии «Недоросль», взошел с ним в жестокий спор; он доказывал, что природа ни в чем не показала столь много своего могущества, что творческая рука ее не создала ничего совершеннее большой жирной свиньи, и что рогатый скот целого света не стоит одного настоящего породистого...борова. Славолюбский с жаром опровергал его мнение;

городничиха взяла сторону хозяина; другие присоединились к его сопернику, и спор сделался общим. (М. Загоскин).

О служебном поприще Степана Михайловича я мало знаю; слышал только, что он бывал часто употребляем для поимки волжских разбойников и что всегда оказывал благоразумную распорядительность и безумную храбрость в исполнении своих распоряжений, что разбойники знали его в лицо и боялись, как огня. Вышед в отставку, несколько лет жил в своем наследственном селе Троицком, Багрово тож, и сделался отличным хозяином. Он не торчал день и ночь при крестьянских работах, не стоял часовым при ссыпке и отпуске хлеба; смотрел редко, да метко, как говорят русские люди, и, уж прощу не гневаться, если замечал что дурное, особенно обман, то уже не спускал никому (С. Аксаков).

Кончив сонату, Катя, не принимая рук с клавишей, спросила: «Довольно?». Аркадий объявил, что не смеет утруждать ее более, и заговорил с ней о Моцарте; спросил ее – сама ли она выбрала эту сонату или кто ей ее отрекомендовал? Но Катя отвечала ему односложно: она спряталась, ушла в себя (И. Тургенев).

7. Какие нарушения литературной нормы вы можете отметить в следующих предложениях? Сгруппируйте ошибки. В чем, по-вашему, заключается причина нарушения нормы? Предложите варианты исправления предложений.

1. Благодаря падению сосульки с крыши он оказался в больнице.
2. На вернисаже собрана неплохая коллекция. Я уже два раза был на этом вернисаже.
3. Преступники ходили по рынкам и выглядывали возможные жертвы.
4. Курица высиживает яйца больше 2-х недель.
5. Ой, сколько мало денег осталось!
6. После слияния компания станет самой гигантской в мире.
7. На сегодняшний день запас угля в Приморье составляет половину от требующегося.
8. Небольшая горстка пограничников заняла оборону.
9. Раненый мафиози был госпитализирован в больницу.
10. Пострадавшего в автокатастрофе доставили в госпиталь.
11. Как себя чувствуешь? – Более менее.
12. Через несколько минут спустя я уже налил воды в ванную.
13. Здесь состоялся его первый дебют.
14. «Стиральный порошок для деликатных тканей» (реклама).
15. После демобилизации из армии я долго не мог найти работу.
16. Он стоял, держа руки и ноги по швам.
17. Я закончил школу два года назад.
18. Исправьте меня, если ошибусь.
19. Президент заранее предчувствовал такое развитие событий.
20. Более исчерпывающую информацию по этому вопросу нам предоставить отказались.
21. Когда альпинисты карабкались вниз по скале, произошло непредвиденное.
22. Кардиограмма сердца оказалась хорошая.
23. Зрители одобрительно кивнули головами.
24. Наполеон в последние годы жизни вел жалкое существование, хотя десять лет назад он был властелином полумира.
25. Мое первое знакомство с компьютером состоялось десять лет назад.
26. Он немного бледноват сегодня.
27. Все обжарить на сковороде пять минут.
28. Скажите, это было обоюдное решение всех членов команды?
29. Мы опоздали на самолет. Но у любой медали есть обратная сторона: мы сели на поезд и за разговорами не заметили, как доехали до места.
30. В аэропорту был ограблен багаж пассажиров.

31. Он вышел из дома и оглянулся вокруг.
32. Колумб первым открыл Америку.
33. Сегодня пожарники выезжали по вызовам пять раз.
34. Экспонаты двух прежних соперников соседствуют на выставке друг с другом.
35. Уровень воды в реке увеличился.
36. Она была ужасно хороша, и знала цену своей красоты.
37. Ну-ка, покажи, что ты тут начирикал (отец – рисующему сыну).
38. Он эмигрировал за границу в 1905 году.
39. И старый, и новый метод не отличаются друг от друга.
40. Пришедшая звезда поделилась неожиданным анилагом.

Раздел 3

Изменения норм, их причины. Активные процессы в современном русском литературном языке

Норма литературного языка – *относительно* устойчивый способ выражения, отражающий закономерности развития языка. Системы норм меняются в историческом развитии, меняются по-разному и с разной скоростью. Классицизм был наиболее нормативным из всех типов культуры (вспомним теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова), но и его время закончилось. Ломка всех норм (социальных, этических, эстетических, языковых) наблюдалась в начале XX века. Нечто подобное произошло в конце столетия, во времена, так называемой, перестройки. И в том, и в другом случае стремительный отход от общепринятого образца имел политический смысл.

Изменение в литературных нормах может быть обусловлено и собственно языковыми причинами.

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

§ 1. Изменения норм, их причины.

Хотя устойчивость, консерватизм языковой нормы составляет ее характерное качество, научный взгляд на литературную норму предполагает ее понимание как явления сложного, противоречивого.

В языковой норме присутствуют взаимоисключающие признаки. С одной стороны, норма есть то, что стабильно, привычно, авторитетно по источнику и поэтому обязательно для соблюдения. С другой стороны, то, что было нормой, со временем может превратиться в «антинорму», в речевую неправильность. Иногда это происходит в течение длительного времени, иногда – на наших глазах.

Возьмем для примера старинный русский оборот с деепричастием - *восстав и рече*, зафиксированный в текстах древнерусской литературы. Оказывается, деепричастие использовалось как глагольное сказуемое, и фраза переводится на современный русский как «встал и сказал». То же грамматическое построение находим в пословице XV11 века: *Видя сова мышки, слетела с вышки*, где *видя* означает «видела».

Следы нормативной когда-то конструкции с деепричастием в роли сказуемого встречаются в XIX веке, например, у Ф. М. Достоевского: «*Подходя к игорной зале, со мною почти что делаются судороги*». Случалось встретить похожие фразы и в веке XX, когда они

фиксируются уже как ненормативные. Классический пример такой ошибки из учебного пособия: *Выйдя из дома, у меня слетела шляпа*. Очевидно, что устойчивая когда-то грамматическая норма превратилась в антинорму, языковую неправильность. Интересно и то, что к концу XX столетия число таких запретных деепричастных оборотов несколько не уменьшилось, а наоборот, тенденция даже укрепилась, хотя такое употребление нередко ведет к нарушению однозначности высказывания, например: *Приехав в город, меня встретили родные* (непонятно, кто приехал).

Очевидно, что наблюдается и обратный процесс: «антинорма» становится нормой. Таково, например, современное нормативное словосочетание *отвращение к пище*. По логике вещей выражение должно строиться с другим предлогом: «отвращение *от* пищи». Однако закрепился другой, не слишком логичный, вариант высказывания. По какой же причине? Ответ связан с явлением семантической аналогии, которая стала закономерностью в языке. Семантическая аналогия привела слово *отвращение* в ряды имен со значением чувства, направленного на объект. А эти существительные управляют дательным падежом с предлогом *к*: *«Любовь к трем апельсинам»* (опера С. Прокофьева), *уважение к детям*, *пренебрежение к людям*. Отсюда по аналогии - *отвращение к пище*.

Важно понять следующее: ***борьба вариантов характеризует норму как исторически живое образование***. Варианты норм проявляются на всех формальных уровнях: на фонетическом уровне (*булочная* - *булошная*, *роди́лся* - *родилсѧ́*), на морфологическом формо- и словообразовательном уровне (им. падеж ед. числа *метод* - *метода*, *клавиш* - *клавиша*; им. падеж множ. числа *бухгалтеры* - *бухгалтера*; род. падеж множ. числа *помидор* - *помидоров*, образование форм глагола *сосредоточивать* - *сосредотачивать*), на синтаксическом уровне (*годный к обучению* - *годный для обучения*).

С п р а в к а. Подробно вопрос о вариантности языковых норм и проблемах выбора рассматривается в специализированных изданиях: *Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления* (опыт словаря-справочника). – М., 1962; *Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка*. Л., 1971; *Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка*. – М., 1974 и послед. изд.; *Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке*. – М., 1994.

Отношения между вариантами как историческими конкурентами в составе нормы разрешаются по-разному, причем наблюдаются следующие внутриязыковые положения:

1) старый вариант формы по-прежнему остается для литературной речи нормативным, тогда как новый вариант ограничен в своем употреблении: нормативное *мурлычет*, *хнычет* - разговорное *мурлыкает*, *хныкает*; нормативное *лекторы*, *инженеры*, *супы* – разговорное *лектора*, просторечное *инженера*, профессиональное *супа*;

2) старый вариант формы устаревает, становится архаическим, в то время как новый побеждает и оказывается нормативно предпочтительным: архаическое *везть, цвесть* – нормативное *везти, цвести*; архаическое *учители, профессоры, якори* – нормативное *учителя, профессора, якоря*; архаическое *башкиров, грузинов, сапогов, валенков, кушаньев, зеркальцев* – нормативное *башкир, грузин, сапог, валенок, кушаний, зеркалец*;

3) наблюдаются равноправные отношения вариантов, когда допустимы оба: *тво́рог - творо́г* (варианты ударения им. падежа ед. числа), *городишко - городишка* (им. падеж ед. числа), *годы - года* (им. падеж множ. числа), *обусловливать - обуславливать*, *вырезать - вырезывать, ждать поезда - ждать поезд*;

4) язык стремится избавиться от лишних форм, слов-дублетов. Варианты расходятся в своем употреблении, выступая

- как разные слова: *тоны* (муз.) – *тона* (живоп.), *цветы* (растения) – *цвета* (палитра), *мехи* (вина) – *меха*; *образы* (характеры, типы) – *образа* (иконы);

- как стилистические варианты: *сыны, мужи* – высокое, *сыновья, мужья* – разг.-бытовое;

- как семантические варианты: *глухи́, слепы́* (физический недостаток) – *глу́хи, сле́пы* (этический недостаток *глухи к добру, слепы от жадности*).

Причины изменения норм носят языковой и социальный характер, нередко взаимодействуя.

Языковые причины изменения норм связаны с эволюцией тех или иных звеньев языковой системы в процессе формирования и развития мышления.

Так, в истории языка период зрительного представления (развитость значений изобразительных, метафорических) предшествует периоду отвлеченных понятий (развитости значений абстрактных). Богатство флексий свойственно именно юношескому возрасту жизни языков и с течением времени исподволь уменьшается. Звуковые элементы отдельных форм с течением времени стираются.

Упростилась звуковая, а затем и графическая форма многих слов. Например, буквы *ъ* и *ь* когда-то обозначали звуки: *Бысть въ ть днь мъгла велика*. С потерей особенностей звуковой оболочки изменилась словесная форма, в том числе письменная и грамматическая. Как считал А. А. Потебня, «фонетические изменения – это болезнь, в известное время овладевающая языком. Будучи направлена к разрушению языка, эта болезнь его, однако, не уничтожает, а, напротив, как бы мимоходом, создает то, чем формальные языки превосходят все остальные... эта болезнь создает грамматическую форму» (Потебня, 1958).

С течением времени одни грамматические формы сменяются другими и могут не только упрощаться, но и усложняться, состоять более чем из одного слова (предлоги *в*

течение, в продолжение, союз несмотря на то, что). При этом «грамматическая форма не есть мумиеобразный остаток прежней жизни слова, а, напротив, то, в чем с особою силою проявляется жизнь мысли в слове». Со временем, - пишет А. А. Потебня, - известные грамматические разряды могут оказываться несовместными с удобством мысли, подобно тому, как известные научные деления уничтожаются по мере успехов знания. В. фон Гумбольдт отмечал, что постоянная работа духа, состоящая в употреблении языка, оказывает непрерывное влияние на самое строение языка, на создание форм.

По наблюдениям исследователей выявляются общие закономерности в развитии языковых систем, которые носят универсальный характер, то есть действуют всегда и во всех языках (РЯ в конце XX ст.). К ним относятся три универсальные тенденции: 1) тенденция к экономии языковых средств, 2) тенденция к упрощению и единообразию форм и конструкций, 3) тенденция к увеличению аналитических способов выражения (см: Русский язык конца XX столетия, 1996)..

1) *Тенденцию к экономии языковых средств* объясняют «принципом наименьшего усилия» (А. Мартине). Ее причиной называют «лень человеческую», стремление к экономии трудовой энергии (Е. Д. Поливанов), которые проявляются в различных видах человеческой деятельности. Всем знакомо появление в речи коротких выражений взамен длинных: *уставши – устав, ответственный – ответствен, человек без определенного места жительства – бомж, Московский комсомолец – МК*. Можно заметить также, что в речевой деятельности длинная и короткая формы выражения нередко сосуществуют. Обычно они отвечают разным стилям общения, например, официально-деловому - выражение *задать вопрос*, а разговорно-бытовому - выражение *спросить*.

2) *Тенденция к упрощению и единообразию форм и конструкций* возникла на основе принципа аналогии. Наблюдается процесс конструктивного воздействия одного выражения на другое по причине их семантической близости, в результате чего возникает совмещение, или контаминация, двух словосочетаний в речи. Таково, например, происхождение просторечного выражения *играть значение* (появилось на базе совмещения близких по смыслу словосочетаний *играть роль + иметь значение*).

Однако в литературном языке есть факты, когда изменение управления по причине семантической аналогии происходит без яркого нарушения стилистических норм: *поражаться чем → поражаться чему* по аналогии с управлением синонимичного глагола *удивляться чему*); *восхищение кем → восхищение перед кем* (по аналогии *преклонение перед кем*) *свидетельствовать что → свидетельствовать о чем* (по аналогии *говорить о чем*). Как отмечает К. С. Горбачевич, действие аналогии направлено, главным образом, к преодолению внутренних (акцентологических, морфологических и т.п.) аномалий языка. Однако

результаты принципа аналогии могут выразиться как в становлении единой нормы, так и в расшатывании традиционно сложившихся форм выражения (*домы* → *дома*, *шоферы* → *шофера*).

3) *Тенденция к аналитическим способам выражения* проявляется на различных уровнях грамматической системы, но все это явления одного порядка. Аналитизм - всего лишь тенденция, которая не может поколебать стабильности синтетического (а не аналитического) строя современного русского языка (Г. И. Тираспольский). Суть аналитизма в морфологии заключается в том, что строевые свойства знаменательных частей речи, преимущественно имен, выражаются не формами словоизменения, а средствами контекста (например, несклоняемость существительных и прилагательных). В синтаксисе тенденция к аналитизму приводит к расчлененности высказывания, ослабленности синтаксических связей, сжатию и опрощению синтаксических конструкций (Акимова, 1982). Подробнее об этой тенденции см. далее.

На фоне *универсальных языковых тенденций* проявляются *актуальные тенденции* данного языка. Их называют тенденциями языкового развития. Под *тенденцией развития* подразумевается накопление однотипных фактов, которое обнаруживается на разных уровнях языка в каждом последующем синхронном срезе по сравнению с предыдущим (см. § 2. данного раздела).

Справка. Исследованию и описанию актуальных, или активных, процессов в современном русском литературном языке посвящены специальные издания: *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). – М., 1966; *Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.* – М., 1968; *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. – Л., 1990; *Гловинская М. Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых ошибок) // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995).* – М., 1996.

Социальные причины изменения норм наиболее очевидны в период крутых перемен в политико-экономическом переустройстве общества. Социологический уровень изучения языка в XX веке позволил выделить две главные тенденции, которые являются отражением в языке общественного развития.

1. Всеобщая *демократизация общества*, а вместе с ним *и языка*, составляет ту социальную тенденцию, развитием которой отличился XX в. Изменились речевые навыки и «языковой вкус» говорящих.

Дальнейшая демократизация литературного языка, усилившаяся в конце XX века, сделала более заметной языковую тенденцию к аналитизму в грамматике (Акимова, 1982). Однако наиболее зависимыми от социальных факторов оказались нормы словоупотребления, стилистического использования слов.

Демократизация в языке обернулась и своей негативной стороной. Для общения, «для использования русского языка сейчас характерна главная установка нынешних дней на свободу, сопрягаемую у нас со стихийным потаканием, с разгулом воли (что хочу, то и ворочу), с небрежностью, раскованностью и забвением того, что без подчинения она есть хаос» (Костомаров, 1999).

В условиях массовой коммуникации конца столетия демократизация литературного языка достигла таких пределов, что в общеупотребительном языке прижились и приживаются не только разговорно-просторечные, но и вульгарно-нецензурные элементы. Нечто подобное наблюдалось в языке начала XX в.: в 20-30-е годы писали о «языковой смуте, языковой разрухе, гибели языка, хаотической пестроте, болезни роста, огрублении языка, расшатывании норм и т.п.» (Горбачевич, 1971).

2. Другая социальная тенденция, положительно связанная с первой (демократизацией общества), имеет отношение к *распространению образования и повышению его уровня*. В результате специальные слова (термины) преодолевают узкую сферу применения, интенсивно идут в общелитературный язык и нейтрализуются в нем: *радиация, стартовая площадка, перегрузка, импульс, параметры, потенциал*. Деспециализация терминов особенно активна в языке газеты, и происходит она чаще в системе словосочетания: пространство (*экономическое / информационное / правовое*), экологическая (*ситуация / экспертиза / культура / общественность*), рынок (*технологий / недвижимости / идей, дикий*), биржевые (*группировки / сделки / маклеры*), долларовые (*купюры / инъекции / расчеты*).

В связи с указанными радикальными изменениями, объективно-научная точка зрения на язык получает все более широкое распространение в обществе. Особенное внимание исследователей привлекает *языковая способность* говорящих на русском языке и *тексты*, подтверждающие ее необычное состояние в переходный для нашей страны период. Появилось новое понятие - *языковой вкус эпохи*. Научно-популярную книгу с таким названием выпустил В. Г. Костомаров - один из представителей современного сдержанного пуризма. Под *языковым вкусом* понимается меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи. Важнейшее условие вкуса – социальное по природе чувство, или чутье языка, «являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке» (Костомаров, 1999).

Отметим актуальные изменения в русском литературном языке и основные области этих изменений.

§ 2. Активные процессы в современном русском литературном языке (слово, словосочетание, предложение)

Актуальные тенденции развития языка 80-90-х годов XX столетия связаны с так называемой эпохой перестройки. Именно в этот период возросли возможности проявления личностного начала в речи, сократилось влияние цензуры и редакторы, а новые социальные слои, не вполне владеющие нормами литературного языка, приобрели вкус к публичной речи. В результате изменился статус литературного языка, возросло влияние психолингвистических факторов как на особенности языка современной эпохи в целом, так и на речевое поведение наших современников.

Актуальные, или активные, процессы наблюдаются в первую очередь в составе лексики и словосочетаний современного русского литературного языка.

Л е к с и к а

Изменения в лексическом составе и в синтаксисе словосочетаний происходят значительно быстрее, чем в системе предложения. Слова и сочетания слов более конкретны по своей семантике и, таким образом, более открыты влиянию извне.

Словарный состав русского языка в начале II тысячелетия уже качественно и количественно трансформировался. Он продолжает меняться под влиянием изменения самого общества. Происходит это по нескольким линиям.

1. По линии **заимствования иноязычных слов** – преимущественно американизмов, связанных с коммерцией, финансово-банковской сферой, а также с компьютерными технологиями: *дистрибьютор, дилер, брокер, бартер, рейтинг, лобби, компьютеризация, банк данных, файл, юзер, ксерокс* и т.п..

Англоязычные слова проникают в общенародную речь из разного типа жаргонов, например, молодежного (*видео, классно, тусовка, клевая, панки, ксерить, выкуси!*), музыкального (*хит, шлягер, диск-жокей, кантри-мьюзик, ламбада, степ*). Они пополняют или образуют синонимические ряды слов привычных: контора – *офис*, подросток – *тинейджер*, образ – *имидж*, поклонники – *фаны*, музыкальная группа – *бэнд*, добавочное время – *овертайм*, профессиональный убийца – *киллер*.

2. По линии **распространения тюремно-лагерного жаргона** (арго), который постепенно осваивается в общенародном языке: *зэк, пахан, мент, шмон, беспредел, кинуть, наехать, рэкет, крутой*.

Изменился в целом социокультурный порог (допустимая граница) использования различных видов лексики и словосочетаний: отмечается интенсивность взаимодействия

«литературный язык – просторечие – жаргон». При этом значение слов варьирует в сторону большей абстрактности и тематической прикреплённости. Так, жаргонное по происхождению слово *беспредел* означает теперь как «отсутствие предела, меры в чем-то», так и «нарушение моральных, экономических и др. законов», «насилие, убийство».

3. По линии **оживления старинных слов** – архаизмов (*доколе, вкупе, вояж, баталия, челобитная, волость*), историзмов (*госпожа и господин, губернатор, присяжные, кадет, лицей, гимназия, гувернер*).

Такие слова в советские времена в живую речь не допускались, а в словарях имели пометы «устаревшее», «дореволюционное» и т.п. Обращение к старым ценностям способствует тому, что бывшие на периферии слова становятся общеупотребительными, используются как средства оценки (*царь Борис, партийные князья и воеводы*).

4. По линии **возрождения и популяризации старого религиозно-культурного стиля**, который внедряется и в СМИ (например, в виде проповеди по каналу телевидения). Получают новую жизнь слова церковно-приходского обихода: *батюшка, пастырь, паства, молитвенный, мощи, исповедь, евангелие, благословение, Русский собор*.

5. По линии **изменения стилистической окраски идеологических слов** и целых фразеологических комплексов, относящихся к периоду советской власти и перестройки. Эти выражения получают иронический, сниженный оттенок (*бастионы коммунизма, светлое будущее, период развитого социализма*). Кроме того, они воспринимаются уже как историзмы, постепенно отодвигаясь на языковую периферию (*партактив, ленинцы, комсомольцы, пионерский галстук, великая революция*).

6. По линии **политизации некоторых групп лексики**. В сферу политических контекстов втягиваются слова, прежде не имевшие отношения к политике: *застой, разрядка, перестройка, демонтаж, развалины (идеологии), раунд, заложники чего, диалог* (политический антоним: *конфронтация*).

7. По линии **словопроизводства, новообразований**:

- имен лиц (на основе имен собственных *ельцинист, жириновцы, Жирик, лимоновцы*; на основе имен нарицательных *рыночник, деморосы, подписант, силовики, переговорщики*);

- наименований процессов с помощью суффикса -изаций (*бартеризация, компьютеризация, люмпенизация населения, криминализация власти, опасность фашизации России*) и наименований предметов на -ка (так называемые слова-универбаты, используемые для свертывания двусловных наименований типа *наружная охрана – наружка, визитка, оборонка, пиццелка, наличка, хрущевка, высотка*);

- благодаря росту именной и глагольной префиксации (*постсоветский, послепутчевый, безвизовый, разгосударствление, псевдокультура, суперматч; недоосвоить*

протестировать, отрекламировать, спрогнозировать, пробойкотировать, переструктурировать);

- благодаря аббревиации в деловой, научной и публицистической речи (*ЯБЛОКО, СНГ, ЛДПР, ЦБ, СПб; госчиновники, профбонзы, демлидеры*);

- благодаря росту окказионализмов, то есть необычных слов, вследствие «игры со словом» (*Абсурдистан, Страхгейт, стоматология А-пломб, здесьиздат, флагоносец, нашизм, сер-реализм*).

С л о в о с о ч е т а н и е

Развитие синтаксических форм отличается своей неравномерностью. Наиболее заметны процессы в области словосочетания: ослабевают устойчивые связанные формы, активизируются свободные от связей синтаксические формы, вплоть до одиночных, возникают новые конструктивно-смысловые возможности именных форм, несогласованных форм и т. п. (см.: Русский язык и советское общество, 1968).

Активные процессы в словосочетаниях идут как процессы переразложения внутри сложных и комбинированных словосочетаний. Отмечают два основных результата процессов переразложения словосочетания (а также предложения). Первый результат состоит в образовании более компактных, сокращенных словосочетаний, или слов, их замещающих. Второй результат состоит в ослаблении синтаксических связей. Оба результата сказываются, в конечном счете, на структуре предложения: они делают более свободными, независимыми позиции слов (или словоформ) в предложении.

Опрощение многочленных словосочетаний. Распад словосочетаний. Как известно, словосочетание представляет единое, но расчлененное понятие. Процесс распада, или разрушения, особенно характерен для двучленных, реже трехчленных, словосочетаний в составе литературно-разговорной речи. Они уплотняются в один компонент. Происходит смысловая и грамматическая конденсация словосочетания в одном наименовании. Вместо *Невский проспект* говорят *Невский*, вместо *комплекс сооружений Олимпийский* – просто *Олимпийский*. Ср.: *Комсомольская правда – Комсомольская – Комсомолка, студент заочного отделения – заочник, улица Рубинштейна дом 5 – Рубинштейна 5*.

Образование новых соединений слов на базе распада трехчленных словосочетаний, в основном глагольно-именных. Активизация именных словосочетаний отмечалась еще в 50-х годах XX столетия (в академической грамматике 1954 г.). Приведем примеры, расположив с левой стороны новые, сокращенные словосочетания, а с правой стороны – многочленные, более точные, но менее употребительные:

операция на сердце ← операция, произведенная на сердце
месяц со дня публикации ← месяц, прошедший со дня публикации
больничный по уходу ← больничный лист по уходу за больным ребенком
мандарины из Абхазии ← мандарины, привезенные из Абхазии;
меры безопасности ← меры, осуществляемые по обеспечению безопасности;
обязательство по счету ← обязательство уплатить по представленному счету;
 «Бурение на воду» (реклама) ← бурение скважин для получения воды.

Примеров можно привести много. Они показывают, как актуален для русской речи давно идущий процесс образования новых простых словосочетаний путем распада словосочетаний сложных, книжно-письменных.

Изменение в системе синтаксических связей. Сильные связи в составе словосочетаний (например, прямое синтаксическое управление) заменяются связями слабыми. С активизацией слабого управления возрастает роль предложно-падежных форм.

Тенденция к ослаблению надежных функций приводит на практике к неправильному выбору падежа: *на предстоящих переговорах, на основных каких-то моментах, о двух типов, в разных видов*. Особенно часто происходит замена надежного управления предложным. Сравните: *оттягивать ремонт – оттягивать с ремонтом, разобрать книги – разобрать с книгами*.

Как уже говорилось, факты уподобления выражений (унификации синтаксиса) – универсальная тенденция, характерная для всех языков. Совмещение (контаминация) словосочетаний по причине семантической аналогии – тоже своего рода форма опрощения синтаксических конструкций. Приведем примеры, расположив их по принципу: старый нормативный вариант – современный конкурирующий вариант (ошибочные выделены).

Нормативный вариант – конкурирующий вариант

переизбрать в должности - *переизбрать на должность* (аналог *назначить на должность*)

смеяться чему - *смеяться над чем* (аналог *издеваться над чем*)

воображать себя кем - *воображать из себя кого* (аналог *строить из себя кого*)

наблюдать что - *наблюдать за чем* (аналог *следить за чем*)

осудить кого на что - *осудить кого к чему* (аналог *приговорить кого к чему*)

проходить что - *проходить про что* (аналог *узнавать про что*)

оплатить что - *оплатить за что* (аналог *платить за что*)

Говоря об экспансии предложных форм, которая уже давно наблюдается (*что они представляют из себя, предам виновников к суду, отказаться для службы в армии, поклониться к праху, говорить за кандидатуры*), отмечают «агрессию» предлога ПО,

который вытесняет другие способы оформления высказывания, например, союзы *о, для, на, за*: *отчет (о) по командировке, автомат (для) по продаже, призывы (на) по выборам, рассчитаться (за) по овощам.*

С тенденцией к ослаблению падежных функций связывают **рост аналитических способов передачи падежных значений**, или, другими словами, использование неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам.

Косвенный падеж имени заменяется именительным падежом. Например: ***Один из первых*** приехал *руководитель комбината* (вместо *одним из первых*); ***Это может показаться недостойно*** *руководителя* (вместо *недостойным*).

Замена косвенных падежей существительного нередко происходит с помощью сочетания *как + им. падеж*: *Это было типа как выездная летняя школа* (на месте род. падежа); *Он назван как лучший игрок* (на месте твор. падежа); *Нужно оформить этот объект как военная база* (на месте дат. падежа).

С ростом аналитизма связывают ошибки в склонении сложных числительных, которые отмечаются на протяжении нескольких десятилетий. Неслучайно говорят о разрушении словоизменения числительных (см. : Русский язык конца XX столетия, 1996). В следующих примерах именительный падеж вытеснил косвенные падежи числительных: *с четыреста рублями в кармане* (вместо *четырьмястами рублями*); *численность молодняка порядка одна тысяча триста девяноста голов* (вместо *одной тысячи трехсот девяноста*).

Вместо косвенных падежей существительного нередко употребляется неизменяемая глагольная форма (инфинитив), что также связывается с аналитическим способом выражения: *Они заинтересованы использовать строительство комплекса для рекламы* (старый падежный вариант: *строительством комплекса*).

Получили распространение так называемые **абсолютивные глаголы**. Они образовались от переходных глаголов отвлеченного действия (*читать что, писать что, думать что, о чем*), а также глаголов конкретного действия (*есть что, пить что, бить кого*), которые стали употребляться без всевозможных объектов. Обычно такое абсолютивное употребление развивается при двух условиях: а) при несовершенном виде глаголов (*хочу писать*), б) при наличии распространителей обстоятельственного типа (*Она вообще много пишет; Все работали с увлечением, а потом с жадностью ели*). Абсолютивные глаголы употребляются и без всякого окружения, то есть без зависимых слов: *Футболисты не радуют; Родина зовет; Положение обязывает*. Следовательно, процесс опрощения наблюдается и здесь.

С тенденцией к аналитизму связывают еще два взаимобратных процесса.

Первый процесс образует **тенденцию к самостоятельному употреблению предложно-падежных форм** там, где раньше по всем правилам употреблялась только форма именительного падежа. Такими с давних пор были в литературе заголовки (*Выстрел, Обломов, Чайка, Мастер и Маргарита*). Однако постепенно в заголовках появляются предложно-падежные формы, что противоречит грамматическому обычаю: слова, имеющие флективные приметы зависимости, выступают в независимых синтаксических позициях. Сравните: *На дне* (пьеса), *Тропюю грома* (балет), *В овраге* (рассказ). Заголовки такого рода встречаются в газете: *Курсом сотрудничества, В тисках противоречий, Назад в будущее, О работе спецслужб, В борьбе за рубли*.

Второй процесс образует **употребление именительного падежа в зависимых синтаксических позициях**, т. е. там, где обычно ожидалась падежи косвенные. Особенно активны в этом отношении определители, выраженные числительными. Так, говорят: *на расстоянии пять километров* (вместо *пяти километров*), *к олимпиаде две тысячи восемь* (вместо литературно-разговорного варианта *к олимпиаде две тысячи восьмого года*) и т.п.

Сюда же относится синтаксическая группа в именительном падеже в атрибутивной позиции, получившая название «кратный именительный». Сравните: *поезд по маршруту Гудермес – Москва* (вместо *из Гудермеса в Москву*), *матч «Спартак» - «Локомотив»* (вместо *между «Спартаком» и «Локомотивом»*), *партия Крамник – Каспаров* (вместо *между Крамником и Каспаровым*).

П р е д л о ж е н и е

В отличие от слова и словосочетания, изменения в структуре предложения не столь заметны. Для их развития необходим более значительный период времени.

Вместе с тем процессы, протекающие в составе предложения, подобны тем, что происходят в словосочетании. К ним относятся явления 1) сжатия синтаксических конструкций, 2) несогласованности компонентов предложения, 3) общего расчленения синтаксической цепочки.

1. Исследователи исторических процессов в предложении отмечают **сокращение средней длины предложения** в русском языке по сравнению с XIII-XIX вв. Оно происходит за счет меньшей употребительности сложных предложений вообще, а также за счет сокращения количества предикативных единиц в составе самого сложного предложения. Данная особенность напоминает процесс опрощения в составе словосочетаний.

2. Тенденция к **синтаксической несогласованности** со временем стала очевидной в составе простого осложненного предложения. Здесь меньше употребляются синтаксически связанные развернутые обособленные обороты, цепочки однородных членов предложения.

Зато увеличилось количество синтаксически не связанных типов осложнения, прежде всего вставных конструкций. Примеры авторской речи из книги «Риторика»: *Паузы (остановки в речи) облегчают дыхание, позволяют обдумать мысль; Вы говорите: «В своей критической статье «по произведению А. Н. Островского...». Здесь неверно использован предлог ПО (канцеляризм: влияние официально-делового стиля).* Можно заметить, что слова в скобках стоят в именительном падеже, то есть в соответствии с языковой тенденцией к аналитизму (Сравните вариант с косвенным падежом: *Это канцеляризм, возникший под влиянием официально-делового стиля).* Как отмечает Г. Н. Акимова, активное употребление вставных конструкций на уровне предложения и текста – особенность современных письменных текстов.

Другая особенность современного простого предложения – увеличение так называемых несогласованных сказуемых в форме косвенных падежей имен: *Форма жемчуга в виде слезы; Он без чувства юмора; Там в щебенку каждый камень, в щепки_каждое бревно; Народ у нас с искрой в голове; Кто из Новгорода?* Распространенность некоординированных компонентов предложения (подлежащего и сказуемого) предстает как одно из доказательств развития процесса аналитизма в современном языке.

3. Развитие процесса **расчленения синтаксической цепочки** также составляет следствие тенденции к аналитизму в русской грамматике.

В центре внимания в этом случае оказываются конструкции воздействующего (экспрессивного) синтаксиса. К ним относятся:

- а) парцелированные конструкции (*Дым стелется над крышами. Зеленовато-желтый, горький.*);
- б) сегментированные конструкции (*Бесплатно – это когда денег не берут; Точные знания – вот что нужно в вашей работе*);
- в) цепочки номинативных предложений (*Костел, особняки, еще костел, пустых домов визжащие ворота.*).

С п р а в к а. Дополнительно по вопросам развития синтаксиса предложения см.: *Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка, Л., 1982; Тираспольский Г. И. Становится ли русский язык аналитическим? // Вопросы языкознания, 1981, № 6, С. 37-49*

Борьба противоположностей, наблюдаемая в языке, составляет источник его постоянного внутреннего развития. Вариантность литературной нормы – свидетельство ее актуально живого состояния. Если раньше языковая норма ассоциировалась с запретами, то теперь отношение изменилось. «Норма – это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» (М. В. Панов). Все остальное на совести говорящих, в том числе и то, почему порой «падает или выявляется уже падшая культура» (Е. Н. Ширяев).

Литература

- Акимова Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка». Л., 1982.
 Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Л., 1990.
 Горбачевич К.С. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее. М., 1984.
 Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
 Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Изд. 2-е. СПб., 1999.
 Лексические трудности русского языка (словарь-справочник). М., 2003.
 Новое в русской лексике: словарные материалы – 77 / АН СССР. М., 1980.
 Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М., 2002.
 Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.
 Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.
 Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
 Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
 Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. М. 2004.
 Сергеев В.Н. Новые значения старых слов. М., 1979.
 Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.
 Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). М., 1966.

Контрольные вопросы и задания:

1. Укажите языковые и социальные причины изменений литературных норм.
2. Какие отношения складываются между конкурирующими вариантами литературной нормы?
3. Назовите универсальные тенденции в языковом развитии. Приведите примеры.
4. Что такое «языковой вкус»? Как, с вашей точки зрения, можно охарактеризовать языковой вкус современной эпохи?
5. Как трансформировался словарный состав русского языка под влиянием изменений в самом обществе?
6. Какие активные процессы наблюдаются в синтаксисе словосочетания? Приведите примеры. Что общего в процессах изменения словосочетаний и предложений?
7. Какие нарушения литературной нормы в следующих предложениях вы можете связать с активными процессами в современном языке? Сгруппируйте ошибки и предложите варианты их исправления. В чем, по-вашему, заключается причина нарушений нормы?
 1. *Нас просят объяснить о том, как жить дальше.*
 2. *Для человека занятого свободный час – роскошь немислимая.*
 3. *Это не играет никакого значения.*
 4. *Я не знаю таких, которые отказались бы от столь выгодного предложения.*
 5. *Появилась новая линия «Проктер энд Гэмбл».*
 6. *Поздравляю с деньрождением. Говорите ваш вопрос.*
 7. *Ничего меня уже не интересует.*
 8. *Я одолжил у приятеля 500 рублей.*
 9. *Банковские операции временно приостановлены.*
 10. *Эта история описывает о событиях десятилетней давности.*

11. *Оплачивайте за проезд сразу при входе.*
12. *Все довольны, потому что условия были самые оптимальные.*
13. *«Основные отличия между советским и новым трудовым кодексами» (заголовок).*
14. *Узнав об этом, у него случился инфаркт.*
15. *Дача располагалась в полторах километрах от дороги.*
16. *Эта газета представляет собой интересы крупного капитала.*
17. *Власти старались замалчивать об этой войне.*
18. *Провал операции был заранее предопределен.*
19. *Я непременно разберусь с этой проблемой.*
20. *О том, как будет развиваться ситуация, никто не берется комментировать. Милиция объяснить о происшествии отказалась.*
21. *Разуй уличную обувь. Ты не видел моего туфля?*
22. *На пятой минуте нападающий гостей увеличил результат.*
23. *В газете была напечатана рецензия об этом фильме.*
24. *«Пиво в розлив» (объявление).*
25. *Поговорим о вреде алкоголизма.*
26. *Я сейчас с дома звоню. Я со школы пришел, не ругайся на меня!*
27. *Эти два экспоната хорошо сочетаются вместе.*
28. *Ему не хватает рулона толи.*
29. *Стороны нашли общие точки соприкосновения.*
30. *Кто вас уполномочивал устраивать допрос?*
31. *Не могу найти ни чулков, ни носок.*
32. *Преступники были шокированы, когда увидели милицию.*
33. *Что ты щипешься? Не щипайся!*
34. *Словно сговорившись, никого из администрации не было на месте.*
35. *С каждым глотком Колдрекс Хот Рем вы почувствуете облегчение (реклама).*
36. *В течение двадцати лет творчество Мандельштама было предано забвению.*
37. *Смешать все ингредиенты и прокипятить десять минут.*
38. *Надо платье переодеть. А ты одень новую рубашку и галстук.*
39. *То и дело раздавались призывы о том, что нам надо девальвировать рубль.*

Р а з д е л 4

Единицы языка, их назначение.

Общая характеристика слова как номинативной единицы языка. Взаимодействие лексики и грамматики

Единицы языка – это постоянные языковые элементы, отличающиеся друг от друга назначением, строением и местом в системе языка. По своему назначению единицы языка делятся на номинативные, коммуникативные и строевые.

Н о м и н а т и в н ы е единицы (англ. nominal – называющий, именной) называют все, что есть в мире и человеческом сознании. Это могут быть

- отдельные предметы: *камень, ожог, краска, курсовая;*

- понятия, то есть мысли, объединяющие в сознании человека предметы и явления: *продать что, кому, пережить что, кого; усталый кто;*

- представления, то есть относительно устойчивые ассоциативные комплексы знаний, элементов опыта: *ажитаж* = 1) спекулятивная горячка на биржах и рынках; 2) сильное возбуждение, борьба интересов вокруг чего-либо; *тональность* = 1) высота звуков лада, определяемая положением главного тона на той или иной ступени звукоряда; 2) муз. регистр голоса; 3) *иск.* основной, преобладающий цвет, колорит, сочетание тонов на картине, способствующие созданию той или иной эмоциональной настроенности.

Основной номинативной единицей является слово или лексема (от греч. *lexis*), то есть слово в совокупности его конкретных грамматических форм и конкретных смысловых вариантов. К номинативным единицам относятся также составные единицы языка - фразеологизмы (*курам на смех*), составные термины (*прямой угол*), составные названия (*Федор Иванович, Белое море*), а на синтаксическом уровне составными наименованиями являются словосочетания.

К о м м у н и к а т и в н ы е единицы (англ. communicative – относящийся к сообщению) служат для передачи содержания мыслей от одного человека к другому, для общения, в широком смысле этого слова. К ним относятся: предложение, сверхфразовое единство, текст. Именно благодаря таким единицам, человечество наследует опыт предыдущих поколений, развивается в интеллектуальном и чувственном отношениях (воспитание чувств).

Основной коммуникативной единицей является предложение. С помощью предложений люди оформляют и передают свои мысли, чувства, волеизъявления, рассчитывая на взаимное понимание и воздействие друг на друга.

Строчные единицы языка служат средством построения и оформления номинативных и коммуникативных единиц языка.

Простейшими строевыми единицами языка являются фонемы и морфемы. **Фонема** – односторонняя единица, знак–сигнал. Не имея собственного значения, фонема различает звуковые оболочки слов и морфем: *лу/к/* - *лу/ч/*, *п/е/л* – *п/и/л/*, */п/ойти* (звуковая форма глагола со значением «начать движение»), */д/ойти* (звуковая форма глагола со значением «достичь в движении определенной границы»). Фонему называют наименьшей смыслоразличительной единицей языка.

Морфема – двусторонняя единица, так как у нее есть означаемое и означающее. Однако она функционирует только как часть слова: *при/бывать*, *при/косновение*, *при/брежный*. Ср. также: современный корень в слове *приятный* исторически образовался из древнего *ят'* (тот же корень, что и в слове *иметь*) и приставки *при-*, означающей «приближение», «присоединение».

К сложным строевым единицам языка относятся разнообразные **модели**, например, словообразовательные, а также модели, по которым строятся словосочетания и предложения (о синтаксических моделях предложения - ниже; см. также: академические грамматики русского языка).

Общая характеристика слова

Знание языка, в первую очередь, складывается из знания слов и функций, которые они выполняют в предложении. В разряд лексических единиц включаются не только отдельные слова (цельнооформленные единицы), но и устойчивые словосочетания (составные единицы), однако основной единицей считается слово. Как номинативная единица языка слово рассматривается лингвистикой с разных сторон. Существует общая теория слова, в которой освещаются эти разные стороны: место слова в структуре языка среди других единиц, строение слова, его функции в языке, особенности семантики.

Поскольку слово – двусторонняя единица, характеризующаяся соотносительностью формы и содержания, она рассматривается в теории слова с учетом этой соотносительности. Вся совокупность слов в языке группируется по структурно-лексическим категориям в зависимости от того, какой пласт слова она представляет - план выражения или план содержания.

С п р а в к а. С точки зрения **плана содержания**, в лексике и грамматике (морфологии) различаются: 1) *знаменательные* слова и *служебные* слова; 2) *конкретные* слова, т.е. слова с предметным, «вещественным» значением, например, *книга*, *ураган*, *нефть*; *абстрактные* слова, т.е. слова с обобщенным значением, например, *вес*, *обучение*, *узость*, *отвага*; 3) *синонимы*, т.е. слова, близкие или совпадающие по значению, но по разному

звучащие, например, *терпеливый, выдержанный*; 4) *антонимы* – слова, противоположные по значению, например, *заметный – незаметный, суровый – мягкий*; 5) *гипонимы* – слова, организованные по принципу подчинения значений, например, *лайка → собака → животное* (последнее слово – родовое, самое широкое по значению, называется *гиперонимом*).

С точки зрения **плана выражения**, в лексике разграничиваются: 1) *омонимы* – слова, одинаковые по форме, но не связанные по значению, например, *коса* (девичья) – *коса* (инструмент); 2) *омографы* – разные слова, одинаковые по написанию, но различающиеся по произношению (ударению или звуковому составу), например, *пирог* – *пирог*; 3) *омофоны* – разные слова, различающиеся по написанию, но совпадающие по произношению, например, *рок – рог*; 4) *омоформы* – разные грамматические формы слов, совпадающие по звуковому облику, например, *ожог* – форма существительного и *ожег* – личная форма глагола; 5) *паронимы* – слова, сближаемые по фонетико-графическому и морфемному составу, например, *демонстративный – демонстрационный, статус – статут*.

По своему положению и роли в языке, слово – единица необычайно сложная. В научной литературе встречается множество определений слова как единицы языка. Приведем его наиболее распространенное определение: **слово – это единица языка, имеющая в своей исходной форме одно основное ударение (если она не безударна), обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью** (Н. М. Шанский).

Существуют функциональный, структурный и семантический аспекты характеристики слова. Ведущим является аспект семантический: он всегда сопровождает изучение слова. Ведь лексика является главным средоточием *семантики*, то есть всей совокупности значений, существующих в языке. Неслучайно акад. Ю. С. Степанов назвал *с л о в а р ь* всеобщей таксономией языковой семантики.

§ 1 Служебные и знаменательные слова. Понятие словоформы. Функции слова. Слово как знак и как символ

По отношению к главной функции слова в языке – функции номинативной, выделяются две неравные группы слов. Основной словарный состав языка формируют простые знаменательные слова. Меньшее число лексики составляют слова служебные.

С л у ж е б н ы е слова не выполняют номинативную функцию, не являются наименованиями предметов, признаков, процессов. Они служат для выражения отношений между знаменательными словами и синтаксическими элементами, употребляясь только в соединении с ними.

Различение знаменательных и служебных слов составляет проблему правописания. Давно уже наблюдается процесс перехода знаменательных слов в разряд служебных, число которых заметно пополнилось. Устанавливаются нормы написания таких служебных слов. Ср. имена существительные с предлогом и составные предлоги: *в продолжении романа → в продолжение часа, в следствии была допущена ошибка → вследствие недоброкачественных*

поставок. Подробнее см.: Гвоздев А. Н. Современный русский язык. /Ч.1.- М., 1977, разделы «Переход слов из одной части речи в другую», «Части речи»; Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1994.

Знаменательные слова, в отличие от служебных, являются словами полнозначными. К основным признакам полнозначных слов относятся их цельность, выделимость, свободная воспроизводимость, структурная оформленность, семантическая монолитность.

Под **цельностью** слова понимается способность знаменательных слов выступать, самостоятельно как минимальное предложение: *Осень. Сырость. Косые дожди.*

Под **выделимостью** слова понимается его отдельность. Слово выступает как отрезок речевой цепи между пробелами в письменном тексте.

Свободная **воспроизводимость** слова подразумевает следующее: хотя люди говорят фразами, они помнят и знают язык, прежде всего, через слова. Мы извлекаем слова из нашего запаса, можем сравнивать их, активизируя нашу языковую способность, чтобы производить их свободную замену и оценивать ее результаты.

В набор характерных признаков знаменательных слов включают также **структурную оформленность**. Она означает наличие у слова собственного и единого ударения, наличие пограничных звуковых сигналов, невозможность пауз внутри слова и их возможность между словами, непроницаемость слова (невозможность включения другого слова в его состав).

Семантическая монолитность (идиоматичность – англ. *idiom*) подразумевает связь звукового комплекса с определенным значением, национально специфическую для языка. В обыденном сознании связь между понятием (означаемым) и знаком (означающим) нередко существует как произвольная, немотивированная. Почему рыба называется *рыбой*, шуба *шубой*, а нога *ногой*, неясно (см. этимологические словари).

Теория и практика языка встречаются с проблемами разграничения слова и пограничных с ним явлений (*словосочетания*, с одной стороны, и *морфемы*, с другой стороны), а также с проблемой установления критериев отдельности слова и тождества слова.

Слово и морфема. При сопоставлении слова с морфемой вводится критерий непроницаемости, то есть невозможности вставки внутрь слова других слов (но возможность вставки морфем). Сравните: в слово *заморозка* невозможно вставить другое слово - *за /быстрая /морозка*. Но можно добавить морфему, которая пишется слитно - *перезаморозка*. Другое дело, составные слова – числительные, допускающие вставку нужного слова: *двести пять* и *двести двадцать пять*.

В отличие от морфемы, слова имеют лексико-грамматическую отнесенность. Они выступают как части речи и употребляются в предложении как члены предложения для построения содержания высказывания (см.: Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. – М., 1999, раздел «Формальные грамматические средства»).

Слово и словосочетание. При сопоставлении слова и словосочетания выявляются признаки цельнооформленности, т.е. самодостаточности, и отдельности слова. Сравните: полнозначное слово *собака* (домашнее животное) и фразеологизм *ни одна собака* (т.е. абсолютно никто; о людях). Как известно, фразеологизмы – это лексикализованные словосочетания, выражающие единое понятие. Поэтому они употребляются как нерасчлененные сочетания слов (см.: Современный русский язык / под ред. П. А. Леканта. – М., 1999, разделы «Словосочетания и другие сочетания слов», «Фразеология»; Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977).

Следует различать аналитические формы слова и словосочетания: *самый высокий* – это аналитическая форма превосходной степени имени прилагательного, а не словосочетание (см.: Гвоздев А. Н. Современный русский язык / Ч.1.- М., 1977, раздел «Степени сравнения прилагательных»).

Слово и форма слова (словоформа). Формами слова называются разновидности одного и того же слова, которые отличаются друг от друга элементами фонеморфологического состава (*писать, пишущий, писавший*) или синтаксико-фразеологическими связями и соответствующими значениями и стилистическими оттенками (нейтр. *спросить* – книжн. *задать вопрос*). К формам одного и того же слова относят грамматические и лексико-грамматические разновидности слова: уменьшительно-увеличительные образования (*зубик, зубище*), видовые пары глаголов, причастия и глаголы. Выделяются также лексические и стилистические варианты слов (нейтр. *строгать* – простореч. *стругать*).

Соблюдение критериев отдельности и тождества слова важно при установлении исходной формы, лежащей в основе различных его вариантов – словообразовательных, грамматических, лексико-фразеологических, семантико-стилистических. Например, такая исходная форма прослеживается в словообразовательных формах слова с разным номинативным значением (*село – селение, уснуть – соснуть*); в грамматических формах слова с разным грамматическим значением (ср. формы спряжения *видеть – вижу, видишь*; формы склонения *мир – мира, миру, миром* и т.д.); в лексико-фразеологических формах слова с экспрессивными оттенками значения (*думать – думу думать, уйти – взять да и уйти, ахнуть – так и ахнуть*); в семантико-стилистических вариантах слова (*друг – дружок*).

Не раз отмечался тот факт, что термин «слово» применяется в самой лингвистической науке в разных значениях. Так, А. М. Пешковский в первой четверти XX века предлагал различать два понятия: «слово – член», то есть слово как «отдельный психофизиологический акт членения речи», и «слово – тип», «ассоциативную группу представлений, обособившихся в уме говорящего в результате этого членения» (Пешковский, 1925). Но для грамматики важнее другое понятие слова. Об этом писал акад. В. В. Виноградов: «Когда говорят о слове *лошадь*, то понимают под ним весь ансамбль, всю систему его падежных форм, которые употребляются в связной речи для выражения соответствующего предметного значения» (Виноградов, 1975, С. 36).

В связи со сказанным должно быть понятно, почему именно термин *с л о в о ф о р м а* (а не «слово») прочно закрепился в грамматике, где он используется в узком и широком смыслах.

В **узком** смысле словоформа подразумевает конкретное употребление слова, его грамматическую характеристику в предложении или словосочетании, оставляя в стороне его лексическое наполнение. Например, словоформы в составе словосочетаний *дальновидная политика*, *без всякой политики*, *ближе к политике*, *проводить политику*, *заниматься политикой*, *разговоры о политике* – это конкретно наблюдаемые единицы, словоформы, используемые в связной речи. Совокупность словоформ образует *п а р а д и г м у* лексемы *политика*. *Л е к с е м а* – это представитель всех словоформ с тем же лексическим значением (См.: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. – М., 1989, С. 380, раздел «Слово, словоформа, лексема, парадигма»).

В **широком** смысле термин словоформа подразумевает целый класс грамматических форм разных слов в одной функции. Например, в ряду таких словосочетаний с творительным падежом существительного, как *сыгранный актером*, *проколоть вилкой*, *разоренные войной*, *привлечь остроумием*, выявляются две словоформы с одним грамматическим значением: 1) словоформа со значением «творительного орудийного» (*проколоть вилкой*, *привлечь остроумием*) и 2) словоформа со значением «творительного действующего субъекта» (*разоренные войной*, *сыгранный актером*). Таким образом, на уровне семантики синтаксиса единое понятие грамматического падежа распадается.

Реально можно говорить о синтаксических свойствах целых семантических классов слов, облеченных в ту или иную морфологическую форму. Например, существительные в независимой позиции главного члена номинативного предложения обладают свойством сказуемости. Они ассоциируются с субъектом восприятия (*Дом. Низкая ограда. Кусты сирени.* = Я вижу:...), с субъектом мысли (*Война. Гул в небе. Обстрелы.* = Я вспоминаю:...).

Семантика слов той или иной грамматической формы влияет на их употребление. Имена предметов (*камень, хлеб, цветы, нож*) чаще всего будут называть те предметы, которые являются объектами человеческой деятельности. В именительном падеже подлежащего такие предметы выступают 1) именами носителя признака (*Нож – отцовский, Хлеб – в пакете*) или, употребляясь с глаголом, 2) сообщают о существовании предмета (*Появились цветы*), обозначают орудие действия (*Камень разбил стекло*).

По-другому функционируют имена с отвлеченным значением «действия», «состояния», «качества» (*движение, строительство; крутизна, доброта*). 1) Они не могут обозначать субъекта-деятеля. 2) В позиции подлежащего словоформы с семантикой «действия», «состояния», «качества» получают количественную характеристику (*Движение усилилось, Доброта стала редкостью*), или 3) выступают в качестве причины другого явления (*Движение укрепляет мышцы, Доброта сделала ее терпеливой*). Подробнее об этом: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. – М., 1989, раздел «Классификация лексем и словоформ»; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты синтаксиса. – М., 1982, С. 122-168.

Таким образом, понятие грамматической словоформы связано, с одной стороны, с представлением о видоизменении форм слова, а с другой стороны, с представлением об организующей функции формы в области семантики высказывания. Семантические признаки выполняют в языке системообразующую функцию: по ним складываются группы, ряды, или парадигмы, слов. Иными словами, - лексическая система языка. Семантические признаки несут информацию о разрешенном круге единиц, которые могут сочетаться с данной словоформой: *пишу ручкой, карандашом* (но не *собакой, рекой, дружбой, верхом*). В результате словоформа регулирует встречаемость слов в составе словосочетания.

Очевидно, что в функциональном аспекте важно соотношение слова с единицами других языковых уровней, и особенно - взаимодействие лексики и морфологии, лексики и синтаксиса. В естественном языке лексические и грамматические системы значений не закрыты, а наоборот, связаны друг с другом.

С одной стороны, вся грамматика лексикализована, то есть грамматический строй ориентируется на слово и реализуется в нем. С другой стороны, любое слово оформлено, то есть подводится под ту или иную грамматическую категорию, поскольку «грамматическое значение входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении» (Виноградов 1972 ,С. 34). Более того, лексика, упорядочена языком в сознании говорящего по ассоциативно-аналогическим парадигмам (словоформам, словосочетаниям, предикативным сочетаниям).

С одной стороны, лексика накладывает ограничения на использование грамматических категорий. Например, статус слова как архаического в составе языка ограничивает использование форм грамматического рода. Архаизм и современное слово распадаются на уровне падежных вариантов. Сравните, в составе имен существительных архаический и современный варианты слова диктуют свою форму падежа: им. падеж ед. числа - *зал* (соврем.) и *зала* (архаич.), род. падеж ед. числа - *любви* (соврем.) и *любви* (архаич.), дат. падеж ед. числа - *к фильму* (соврем.) и *к фильме* (архаич.) и т.п. С другой стороны, лексическая возможность выбора грамматической формы дает простор для функционально оправданного употребления слова (скажем, для стилизации).

Изучением грамматических функций, семантики слова в составе словосочетания и предложения занимаются отдельные направления в теории русской грамматики – коммуникативная грамматика (Золотова и др., 1998, 2004) и функциональная грамматика (Бондарко, 1984, 1999, 2002; шеститомное издание – «Теория функциональной грамматики», 1987-1996).

Перейдем к характеристике функциональной семантики слова с учетом его центральной роли в языке и человеческом сознании.

Функция конкретизации и функция обобщения

Слово как номинативная единица языка служит наименованием реальных и виртуальных предметов, явлений, свойств, процессов, отношений действительности во всей их возможной конкретности. Но с другой стороны, слово также и обобщает. Слово не только звуковая, материальная, но и мыслительная данность. Отражая в нашем сознании сущее, данное или предполагаемое, слово заключает в себе выработанное понятие о том или ином предмете, явлении.

Понятие содержит общие существенные признаки чего-либо, в силу этого признаки могут объединяться с признаками других понятий в определенные классы (таксономии). Наименования *елка, береза, сосна, клен* объединяются по своим объективным существенным признакам в подкласс [дерево], а далее классы: [растения], [живое], [земное] и т.п. В обыденном сознании те же наименования могут связываться в речи с групповыми, социально-психологическими классами [родина], [детство] и т.п.

Для любого языка характерно сосуществование понятий *обыденных*, или наивных, с понятиями *научными*. А. А. Потебня писал: «...ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, то есть языка и средств, создание коих условлено

существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой – с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» (Потебня, 1958, С. 20).

Если понятиям первого типа (обыденным, народным) принадлежит решающая роль в формировании основной части лексики в языке, то вторым отводится роль в образовании понятий, реализующих познавательную (гносеологическую) функцию человеческого сознания. Таким образом, в функциональном отношении слово не только конкретно именуется, но и классифицирует обозначаемое.

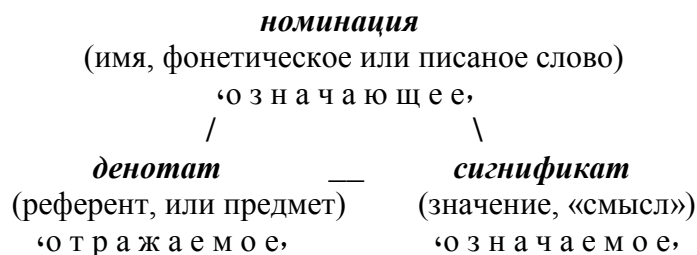
Функция денотации и функция сигнификации. Слово как знак и как символ

Если рассматривать слово только как *название*, то оно всего лишь материальный *знак*, выраженный в языке звуковым (устным) или графическим (письменным) способом. Языковую природу знака изучает *семиотика*. В качестве науки, изучающей общие свойства знаковых систем, семиотика включает в себя языкознание в той мере, в какой язык обладает семиологическими (или семантическими, то есть передающими значения) свойствами.

Но любое слово есть не просто название-знак, а целая структура, в которой выделяют три составляющих: материальную форму (или знак), ее предметное содержание (то, что расположено в действительности) и ее смысловое содержание (то, что находится у человека в мыслях).

По своему предметному содержанию *название* – это любой объект действительности (реальной или виртуальной, воображаемой). Нужно понимать, что этим объектом может быть не только собственно предметная сущность (*камень, земля, утро, собрание*), но и какой-либо признак (*цветущий, легкий, неприятный*), процесс (*существование, обледенение, строительство*), действие (*поднимать, зафиксировать, отвеждать*), обстоятельство (*взаимовыгодно, с перекосом, улыбаясь*), понятие (*термостойкость, алгоритм, замкнутость*), иными словами, все, что ни есть в человеческом мире, внешнем и внутреннем.

Обычно структуру языкового знака представляют в виде треугольника, который получил название семантического. **Семантический треугольник** – универсальное логическое отношение. Он имеет три вершины: знак, то есть *номинацию* (*имя*, фонетическое или писаное слово), *денотат* (или предмет, *референт*) и *сигнификат* (понятие о предмете, *значение, «смысл»*).

1-я вершина треугольника *имя* (*номинация*) является материальным выражением понятия – звуковым или графическим (письменным) словом. Например, звучание слова [з’в’эр’] (в графике - *зверь*). Это и есть форма знака.

Еще раз отметим: термин «наименование» следует понимать широко – как процесс называния вообще, независимо от того, что именуется. Отсюда широкое по своему статусу понятие «номинативные средства языка», к которым относят все полнозначные слова и словосочетания, а также синтаксические понятия «номинативная конструкция» и «номинативное предложение».

2-я вершина - *денотат* (*референт*), то есть разнообразно понимаемый предмет действительности (явление, событие, признак, процесс, состояние, движение и т.д.), выступающий как объект языка и речи. Заметим, что этот объект могут составлять идеальные образования, т.е. мысли и фантазии.

3-я вершина семантического треугольника - это *сигнификат* (*значение, «смысл»*). Сигнификативное значение подводит единичный объект под некоторый класс объектов (или таксономию объектов), что имеет место только в сознании, где мы разумеем смысл сообщаемого. Так, употребляя в речи слово *зверь*, говорят либо 1) о ‘животном’, либо 2) о ‘человеке’, проявляющем соответствующие качества дикого зверя.

Приведенная выше схема семантического треугольника дает представление о важнейших функциональных составляющих структуры слова. В соответствии с ней, знаменательные слова в высказывании обнаруживают две знаковые функции – *д е н о т а т и в н у ю* (предметно-репрезентативную) и *с и г н и ф и к а т и в н у ю* (характеризующую, квалифицирующую).

Морфология слова дает свои показатели функционального характера. Давно отмечено, что система частей речи отличается известным контрастом имени существительного и глагола. Это связано с их стабильным употреблением в функции денотации и сигнификации. В соответствии с этими функциями все полнозначные слова делятся на *п р е д м е т н ы е* (вещные, именные) и *п р и з н а к о в ы е* (предикатные, сигнификатные).

Функция *денотации* выражается фонетическим словом (словосочетанием, предложением) тогда, когда оно представляет некую вещь или событие в высказывании,

например: *На прошлой неделе в Смольном было подписано соглашение о сотрудничестве между Петербургом и Ленобластью в торгово-экономической, научно-технической, культурной и социальной областях* (Предприниматель Петербурга). Здесь слова и высказывание в целом выступают знаковым представителем (заместителем, субститутом) того, что материально существует в действительности, в том числе знаком события. Именно в этом смысле говорят об отождествительном значении предметных наименований, событийных высказываний. Считается, что выделенные слова потому обладают отождествительными значениями, что указывают компонентами своих значений на пространство, время, объекты, существующие в реальной действительности.

Функция *сигнификации* имеет место, когда слово, в широком смысле, описывает (характеризует, квалифицирует) вещь, указывая в ней те или иные признаки. Это предикатные слова: они выражают то, что говорящий «думает о действительности», и требуют интерпретации: *Флористы, люди высоко духовные, утверждают, что букет должен быть осмысленным. «Понимаете, цветы – это мессидж», - объясняли мне в одном из цветочных салонов (Ъ-Деньги).*

Обремененность слова большим объемом значений и смыслов в процессе его употребления привела исследователей истории языка и культуры к логически правомерному вопросу: **слово – знак или символ?**

«Чтобы дать знать о ветре, что предпочтительнее: незаметно раскачивать деревья или сказать *дует ветер?*» (Никитин, 1997, С. 12). За словом стоит некое «соглашение» – понимать тот или иной материальный, звукобуквенный символ именно так. При этом означаемое может содержать целый комплекс условных, скрытых за наименованием, знаний (импликатов). Например, согласно словарю, *пень* предполагает следующий комплекс знаний: «оставшаяся на корню часть ствола спиленного, срубленного, сломанного дерева». Неслучайно русский языковед и философ П. А. Флоренский говорил: «Слово есть метод, метод концентрации», а М. М. Бахтин называл слово «аббревиатурой высказывания» (Колесов, 2002). Слова *бревно* и *пень* посредством аналогии выросли в своем новом значении до символа бесчувственного или глупого человека (бранное): - *Бревно! Пень! Школой он так же интересуется, как я прошлым годом снегом.* (А. П. Чехов).

Семиотическое понимание знака имело свой первоначальный критерий: знак существует тогда, когда ему соответствует одно значение, т.е. одно означающее → одно означаемое (вспомним знаки светофора). Не таким знаком является слово. **Слово** – своего рода **символ** еще и потому, что за ним в языковом сознании говорящих клубится шлейф понятийных ассоциаций и представлений, накопленных в историческом и культурном пространстве коммуникации. Возьмем слово *табурет*. По словарю это «разновидность

простой мебели в форме четырехугольника или круга без спинки». Но в сознании 2-3-х поколений россиян за словом *табурет(ка)* закрепилось дополнительное, культурологическое представление, связанное с образом кухни («советской»). Слово стало культурным символом, т.е. *знаком другого знака* («советский быт»). Другой пример: в представлении наших современников слово *Мадонна* имеет не только сакральный смысл (символическим считается предмет, подчиненный идее). В современном массовом сознании это слово, ассоциированное с живой личностью, стало символом успеха в шоу-бизнесе.

Конечно, речь не только о словах, но о культурных символах (о понимании символа в лингвистике см.: Шелестюк, 1997). Однако ученые отмечают: чем больше растёт объём значений слова, тем легче оно символизируется. По А. Ф. Лосеву, символ есть неразличимое тождество общего и особого, идеального и реального, бесконечного и конечного (Лосев, 1993, С. 20). Обращаясь к слову как единице языка, акад. В. В. Виноградов отмечал: «Слово является не только названием ..., но и выражением значения, а иногда и целой системой значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств. Обозначая явления, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху...» (Виноградов, 1977, С. 163).

Аналогичное мнение существует в зарубежной лингвистике. Э. Кассирер (1923) рассматривал язык как одну из символических форм, наряду с религией, философией, мифологией, культурой и наукой (Лингвистический энцикл. словарь). П. Рикер (1969) считал, что символ есть речевое проявление языковой полисемии, что полисемия и символизм характеризуют в целом все строение и функционирование языка (Шелестюк, 1997).

С п р а в к а. Значения связаны множественными связями, организующими их в структуре сознания. В современной лингвистике они носят название концептуальных.

Концепт – это дискретная единица сознания; это широкое понятие, представление, не только рациональное, но и чувственно-эмоциональное. В отличие от узкого понятия, связь концепта с его знаковой формой нежесткая. Разные слова, высказывания и даже тексты могут относиться к одному концепту. Концепт существует в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Об историческом развитии концепта – основной единицы ментального, содержащейся в словарном значении и «явленной через него как образ, понятие и символ» (см.: Колесов, 2002).

Обратимся к ядру языковой семантики, к лексическому значению.

§ 2. Лексическое значение и его структура. Типы лексических значений

Семантический анализ лексических единиц является предметом изучения лексической семантики, или *семасиологии*. Именно семантика исследует соотношенность слова с выражаемым им понятием (сигнификатом) и обозначаемым им в речи объектом (денотатом).

Центральным понятием лексической семантики выступает категория лексического значения. Лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении. Это продукт мыслительной деятельности человека, связанный с редукцией информации человеческим сознанием и с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация и обобщение (Лингвистический энцикл. словарь. М., 1990).

Основным средством фиксации слов и лексических значений служат словари, а их составлением ведаёт *лексикография*.

Нынешнее «словаростроение» характеризуется резко возросшим потоком всевозможных словарей и чрезвычайным увеличением их разнообразия (Караулов, 1981; см. также о словарях в конце раздела).

В словарях нашла отражение *социальная* (словари литературных языков, жаргонов, табуированных слов и, наоборот, рекомендуемых нормой выражений), *территориальная* (диалектных, областных), *профессиональная* дифференциация языка (терминологические словари по всем отраслям науки и профессиональные словари по отдельным областям знаний и культуры). Издаются словари *диахронического* плана: исторические и этимологические.

Словарь оказался самой удобной формой обобщения и фиксации наших знаний не только о языке. Именно в словарной форме систематизировались итоги изучения классиков национальной литературы и создавались Лермонтовская, Пушкинская энциклопедии, дающие помимо чисто лингвистической информации представление о мировоззренческой «картине мира» автора.

С п р а в к а. В толковых словарях, помимо собственно семантической информации, широко представлена грамматическая, фонетическая (орфоэпическая), стилистическая и частично этимологическая информация. В словарях можно найти сведения о возможностях сочетаемости слов. Так, в 1-томном словаре С. И. Ожегова довольно широко представлена синтаксическая сочетаемость, а в 17-томном Словаре современного русского языка вводится опыт установления лексической сочетаемости.

Словарная типология строится на основе соблюдения определенных параметров, то есть лексикографических возможностей. В лексикографии известны попытки свода в словаре максимального количества параметров. Это, например, словари Г. Варига, Вэбстера, где подробнейшим образом представлено произношение всего слова, правила чтения каждой буквы, а также частичное произношение – особые случаи произнесения частей слова в словоизменяемых и словообразовательных формах (Webster's seventh new collegiate dictionary. Springfield (Mass.), 1963.)

Словарная дефиниция представляет собой текст особого рода – объяснительный по своему характеру. Специфика таких текстов заключается в том, что они состоят как бы из ключевых слов, а это значит, что всякое полнозначное слово в правой части толкового словаря расценивается как отдельный семантический компонент.

Способы задания дефиниции слова могут быть различными. Например, в оксфордских и взбстеровских словарях дефиниция дана как бы трижды – толкованием слова, его синонимами и иллюстрациями его употребления (Ю. Н. Караулов).

Лексическое значение слова – структура, определяемая общими свойствами слова как знака, историей его использования в разных контекстах, условиями употребления в сочетаниях с другими словами и функцией в предложении.

Структура лексического значения

Структура лексического значения рассматривается в лексикологии с двух точек зрения:

1) с точки зрения общей структуры содержания лексического значения, 2) с точки зрения семантической структуры многозначного слова.

1. Общая структура содержания лексического значения

В лингвистике значение слова сопоставляется с философской категорией *понятия*. Некоторые ученые отождествляют лексическое значение и понятие. Между тем, понятия бывают разного класса. У одних на первый план выступает стабильная, конструктивно-логическая сторона (вещные понятия), у других – индуктивно-эмпирическая сторона, наиболее изменчивая, вероятностная (обычно это признаки). Соответственно в составе лексического значения выделяют два типа содержания – *когнитивное* (стабильное, мыслительное, лат. *cognitio* – знание, познание) и *прагматическое* (вероятностное, оценочное, гр. *pragma* - дело, действие).

Лексические значения могут быть ограничены одним из названных типов содержания или являться значениями *смешанного* типа, в которых доминирует тот или другой аспект.

Исходными в человеческой деятельности выступают прагматические структуры сознания, «отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентации в мире» (Никитин, 1996, С.30). Что касается объективированного, внепрагматического знания о мире, то оно постепенно откладывалось и кодифицировалось в словарных значениях как стабильно представленное в составе когнитивных структур сознания.

1. **Когнитивное** содержание лексических значений фиксируется в словаре в обычном порядке. Это стабильное мыслительное содержание, характерное для подавляющего числа лексики. Помимо обычного порядка словарной дефиниции, такие слова могут быть помечены как узкоспециальные или стилистически ограниченные (термины науки, техники,

искусства и т.п.; слова книжные, официальные и официально-деловые, устарелые и т.п.).

Пример из словаря Ушакова:

Прием – 1. Действие по 1,2,4,6-10-му, 13-му,14-му и 18-му значениям глагола *принять*. *Прием лекарств. Прием товаров. Прием гостей. Прием в партию.*

2. Тот или иной характер встречи, оказываемый кому-либо. *Чацкий – Софье: Удивлены? И только? Вот прием! Радушный прием. Прием публики.*

3. Собрание приглашенных лиц (обычно у официальных лиц в честь кого-либо, чего-либо). *Во время официальных приемов.*

4. Совершение, исполнение действия за один раз. В один, два и т.п. приема; одним, двумя и т.п. приемами. *Выпил одним приемом. Письмо написано в несколько приемов.*

Устар. – количество чего-либо (пищи, лекарства и т.п.), принимаемого за 1 раз; доза, порция. *Он употреблял опиум в маленьких приемах (Акс.)*

5. Способ, образ действий при выполнении чего-либо. *Приемы обучения слепых. Ружейные приемы*

О способах применяемых при создании произведений искусства, художественных образов и т.п. *Литературный прием.*

6. Устар. – Манера держать, вести себя. *Душа-то у меня хорошая, да приемы медвежьи (Бел.)*

2. **Смешанный** тип содержания характеризует значительную часть состава лексических значений в языке и речи. Обычно когнитивное и прагматическое сосуществуют в единстве, так как “единая информационная база человека, его информативный тезаурус содержит энциклопедические и языковые знания, эмоциональные впечатления и систему нормативных оценок” (Актуальные проблемы функциональной лексикологии. СПб., 1997, С. 88-89).

Лексические значения со смешанным типом содержания зафиксированы в словарях и, по подсчетам, составляют около 1/5 общего состава языка. Многие слова, в которых доминирует оценочный (прагматический) компонент, широко используются в публичной и разговорной речи: *великий, важный, мужественный, небывалый, крутой; комплимент, убожество, базар* в знач. спор, ссора; *устареть, сплотиться, восхищаться, опростоволоситься* и т.п. В словаре (примеры даются из Словаря русского языка / в 4-х т. М. 1981-1984) часть таких слов сопровождается пометами, указывающими на стилистическую ограниченность: *разговорное* (болеющий), *просторечное* (шабашить), *грубо-просторечное* (блевота), *народно-поэтическое* (белокаменная), *книжное* (шантаж); пометами, указывающими на эмоциональную окраску: *бранное, ироническое, шутливое, пренебрежительное, презрительное, неодобрительное, почтительное*; пометами, указывающими на эмоциональную окраску вместе с пометами стилистическими: *бранное или просторечное бранное* (идиот), *ироническое, шутливое* (вожак), *высокое* (возмездие), *высокое устарелое* (благодать).

В речи прагматический компонент значения развивается у вполне обычных понятий благодаря признаковым словам. В соответствии с эмоциональным отношением,

интеллектуальные компоненты лексические значения обнаруживают позитивную или негативную окраску в контексте. Сравните ряды словосочетаний, в которых каждое второе имеет негативную окраску: *домашний очаг* и ***очаг напряженности***, *засесть за учебники* и ***засадить под арест***, *вечерняя сказка* и ***сказки для обывателей***. Оценочная окраска появляется потому, что в человеческом сознании так называемые интеллектуальные понятия связаны с определенной ценностной картиной мира.

Итак, в структуре лексического значения прагматический компонент обычно выступает вторичным, добавочным к когнитивному компоненту. Это информация особого рода – не денотативная, а оценочная и часто неявно выраженная. Такую информацию еще называют факультативной информацией, так как она восстанавливается слушателем и часто является субъективно неоднозначной. Сравните, комически двусмысленный по знакам (+) и (-) характер наименований: «***Безумный*** день, или женитьба Фигаро», *Она знает все **новости** и всю **подноготную** своих клиентов*.

3. Чистое **прагматическое**, или оценочное, содержание характеризует меньшую часть общеупотребительной лексики: *хороший, плохой, полезный, вредный, прелесть, ужас* и т.п. Конкретизация значения этих собственно оценочных слов без контекста невозможна. Дефиниция таких слов в словаре всегда относительная, например: **Полезный** - Приносящий пользу, способный приносить пользу. *Полезные начинания. Полезная книга. Полезная пища*. В изолированном состоянии данные слова пусты. В контексте коммуникативной ситуации или, например, в словосочетании можно отчасти понять, о чем идет речь. Сравните: ***хороший*** *водопроводчик* и ***ужас какой*** *водопроводчик!* (речь может идти о качествах мастера или самой личности), *Много ходить **полезно*** и ***Вредно*** *много ходить: на каблуках* (мотивировки значения присутствуют или подразумеваются).

Собственно оценочные слова отличаются первичностью своего оценочного значения от тех слов, которые развили прагматические смыслы в контексте употребления (таких, как *энергичный, подтянутый, замечательно, отвращение*). Назначение собственно оценочных слов не в том, чтобы описывать мир в его объективных признаках, а в том, чтобы выражать эмоции, психологическое состояние говорящего и воздействовать на адресата сообщения.

Прагматические значения иногда понимают широко, включая коммуникативную информацию. *Коммуникативные* компоненты значения, в отличие от собственно прагматических, не содержат какой-либо информации о предмете речи (денотате) или о субъективной оценке. Они относятся к организации, строению и изъяснению самого коммуникативного процесса.

Так, в следующем примере автор счел необходимым принести извинения читателям за форму выражения: «Родина – пусть кричат уродина!» – *уж извините, орал Шевчук, прыгая по сцене*. Коммуникативно значимым бывает уклонение от слова: *Андрей не сказал отцу, что, верно, он проживет еще долго. Он понимал, что этого говорить не нужно. - Все исполню, батюшка, - сказал он (Т.)*.

Коммуникативные значения сходны с прагматическими значениями в том, что подключены к когнитивным значениям языковых единиц, наслаиваются на них в виде важного, но дополнительного содержания.

2. Семантическая структура многозначного слова

Лексическому значению слова свойственна, с одной стороны, внутренняя, глубинная структурность, с другой стороны, внешняя структурность, или структурность окружения.

Внутренняя структурность слова – это его многозначность, структура слова “в глубину”. В зависимости от ситуации, контекста (лексического окружения) слово, по выражению Д. Н. Шмелева, как бы поворачивается разными гранями присущей ему семантики, причем отстраненные значения продолжают потенциально присутствовать (Шмелев 1973; его же 1977, С. 74, 84 и далее). Словесный механизм семантики многозначности изучается в интегральной теории значения.

С п р а в к а. Интегральный подход к анализу значения состоит в допущении, что лексические значения содержат как дифференциальные (отличающие их) компоненты, так и недифференциальные (интегральные) семантические компоненты. Анализ элементарного значения слова осуществляется в процессе выявления совокупности семантических компонентов - *сем*, или семантических множителей. Коротко поясним сказанное.

Структура многозначного слова включает совокупность отдельных значений - семантических вариантов, или *с е м е м*.

Например, структура слова *живой* включает несколько семем, которые дифференцируются в разных контекстах по смысловой сочетаемости. [1]. Такой, который живет, обладает жизнью; противоп. мертвый. *Живые существа*. [2]. Относящийся к животному или растительному миру; органический. *Живая природа*. [3]. Полный жизненных сил; подвижный, непоседливый. *Живой ребенок*. [4]. Подлинный, существующий в действительности. *Живой материал*. [5]. Деятельный, интенсивно проявляющийся. *Живой интерес*. [6]. Яркий, выразительный. *Живое повествование*.

Каждая семема делится на семы, включая общий (интегрирующий) компонент и дифференцирующие компоненты. *С е м а* – это элементарное понятие, выступающее как часть других понятий (макропонятий, или семем).

В данном случае, семема-1 включает центральную, ядерную сему “жизнь” и периферийную “обладающий жизнью”. Семема-2 включает ядерную сему “жизнь” и периферийные семы “организм”, “животный мир”, “растительный мир”. Семема-3 включает ядерную сему “жизнь” и периферийные семы с градацией значений (в порядке убывания): “сила”, “движение”, “тяга к движению, переменам”. Семема-4 также включает ядерную сему “жизнь” и периферийные семы “действительность”, “подлинность, натуральность”. Семема-5: ядерная сема “жизнь”, периферийные семы – “деятельность”, “активность”, “интенсивность”. Семема-6: ядерная сема “жизнь”, периферийные семы “динамизм”, “яркость”, “выразительность”.

Внешняя структурность многозначного слова раскрывается тогда, когда исследуются крупные группировки слов, *лексико-семантические поля*. Они также позволяют представить значение слова как структуру сем. Один из основоположников структурной лингвистики в России Ю. Д. Апресян писал о данном подходе в исследовании лексического значения: «Значение элемента рассматривается как определенное место в системе элементов (семантическое поле, семантическое пространство). Каждый элемент входит, как правило, сразу в несколько семантических полей; поскольку каждое семантическое поле характеризуется определенным семантическим свойством («семой»), значение элемента может быть представлено как сумма или пучок элементарных значений (сем, семантических компонентов, семантических множителей). Предполагается, таким образом, что значения образуют структуру» (Апресян, 1963, С. 106; см. также: Шур, 1974; о компонентном анализе: Кобозева, 2004; Селиверстова, 1975).

Каждое поле имеет ядро и периферию. В лексическом поле значение одного слова является границей значения другого слова, то есть взаимодействует с ним. Например, слово *идти* взаимодействует со словом *ползти* (в значении медленно идти). О различных подходах к определению семантического поля см.: Караулов, 1976.

По своему происхождению слово *поле* семантически связано с др.-русск. *поль* – ‘открытый, свободный, полый’. Л е к с и к о – с е м а н т и ч е с к о е п о л е – это совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений (Лингвистический энцикл. словарь).

Основой для семантического поля выступает интегральный признак, объединяющий все единицы и обычно выражаемый лексемой с обобщенным значением. Например, внутри группы глаголов говорения выделяется группа со значением ‘передача информации’: *сообщать, информировать, извещать, уведомлять, оповещать*, а также *донести, выложить, открыться*. Внутри группы глаголов движения выделяется поле ‘перемещение в пространстве’: *идти, бежать, ехать, плыть, лететь*, а также *нести, ползти, тащиться* и т.п. (см. дополнительно: Падучева, 2001).

Многозначное слово обычно принадлежит разным семантическим полям. Так, слово *выложить*, кроме вхождения в поле «передача информации» (*разг.* выложить = высказать, сообщить все), относится к семантическому полю «строительство» (*выложить* = сложить, соорудить из камня, кирпича). О семантическом поле см.: Современный русский язык, 1989.

Существует также наименование *тематического поля* (группа). Понятие “тематическая группа слов” значительно шире, чем содержание термина “лексико-семантическая группа”. Тематическое поле образуется совокупностью сквозных (парадигматических) и линейных

(синтагматических) связей лексики в языке и речи, которая отображает какую-либо сферу внеязыковой действительности, например, тематические поля: терроризм, детство, животный мир, спортивный мир, искусство, кумиры и т.п. (Подробнее о семантике слова как разделе общей теории языка можно прочитать: Кобозева, 2004).

Типы лексических значений

В центре внимания семантики слова – не только структура многозначной лексической единицы, но и выявление типов значений слов, критериев их разграничения, способы создания новых наименований и мн. др.

Как мы знаем, полнозначностью обладают не все слова. Не имеют предметной соотнесенности служебные, модальные слова и междометия. Их значения носят совсем иной характер – лексико-грамматический. Изучаются они в грамматике в связи с их функцией в предложении.

Полнозначные слова изучаются в лексикологии. В рамках семантики, которая тесно переплетается с общей лексикологией и лексикографией, выделяются различные виды значений лексических единиц: *прямое* и *переносное*, *общее* и *специальное*, *абстрактное* и *конкретное*, *широкое* и *узкое* (гипероним и гипоним), *логическое* и *экспрессивное* значения и др.

Традиционным считается деление лексических значений на 3 группы: 1) номинативные (прямые и переносные) значения, 2) фразеологически связанные (несвободные) значения, 3) синтаксически обусловленные значения.

Номинативные значения (прямые и переносные)

Прямые номинативные значения определяются предметно логически. Прямое значение непосредственно связано с отражением объективной действительности. Слова с прямым номинативным значением свободны, не ограничены в своем употреблении, имеют широкие и разнообразные словесные связи.

Переносные значения называют номинативно-производными. Они связаны с понятием *тропы* (гр. tropos: поворот). Выделяются три разновидности переносных значений: метафора, метонимия, синекдоха. Исходным материалом тропов и, вообще, любой образной структуры, является сравнение, - шире сопоставление, сопряжение, контраст, «взаимоотражение» индивидуальных предметов друг в друге. (См.: Очерки истории языка русской поэзии XX века / Раздел 1. Эволюция тропов. М., 1995).

М е т а ф о р а (от греч. metaphor: перенос) образуется по сходству, которое может быть внешним (*селедка под шубой*) или функциональным (*дворники*, т.е. стеклоочистители). Это

механизм речи, состоящий в употреблении слова, относящегося к одному классу предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении.

Чем более многопризнаковым, информативно богатым является слово, тем легче оно метафоризируется. Среди имен это, прежде всего конкретные существительные (*кукушка* о женщине, *вертеп* о доме), в том числе в составе перифразы *баловень судьбы*. Среди признаков слов – это прилагательные, обозначающие физические качества (*колючий ответ*, *синий взгляд*) и описательные глаголы *расцветать*, *позеленеть* (о людях), *отрубить*, *отрезать* (сказать).

Метафора антропоцентрична: человек служит в языке и речи предметом мысли и мерой вещей (*нос корабля*, *ручка двери*, *колени трубы*). Отсюда же – распространенность олицетворения (персонификации): *цены растут*, *время и ситуация требуют*, *кашель душит*.

Следует различать языковую и речевую метафору. Речевая метафора контекстуальна. Она может быть характерна для языка определенного писателя, но не для общенародного языка. Так, к началу нашего века в русской художественной речи у разных авторов были отмечены следующие метафорические определения, относящиеся к слову буря – *безнадежная*, *беспощадная*, *дикая*, *жестокая*, *золотая*, *кипучая*, *косматая*, *кричащая*, *мятежная*, *неистовая*, *разъяренная*, *ревущая*, *сладостная*, *странная*, *страстная*. Метафорический перенос в речи сопровождается оценочными коннотациями.

С п р а в к а. *Коннотация* (лат. *connotatio* – присоединение): эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) значение, а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию.

В лексикологии метафора рассматривается прежде всего как средство номинации. Однако есть основания считать исходной для метафоры функцию характеристики (сказуемого). Эта семантическая двуплановость метафоры «затемняет», - по выражению Н. Д. Арутюновой, - ее предметную отнесенность: для идентификации предмета речи метафора слишком субъективна, а для предиката – неоднозначна (Арутюнова, 1979; см. также Телия, 1977).

М е т о н и м и я (от греч. *metonymia* – переименование): перенос по смежности. Название может быть перенесено по причине сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию. Наблюдаются разные типы метонимических переносов: 1) перенос содержимого на содержащее: *Я три тарелки съел*; 2) перенос имени автора на его произведения: *Захвати с собой Булгакова*; 3) перенос действия на его результат, место: *За углом автобусная остановка*; 4) перенос предмета на материал, из которого он сделан: *Не люблю медь в этом*

оркестре; 5) отождествление места с людьми, находящимися в нем: *Аудитория зашевелилась*. Подробнее см.: Шмелев, 1977, С. 91-105.

Разновидностью метонимии является *с и н ё к д о х а* - количественный перенос по смежности. Например, ед. ч. употребляется вместо множ. ч.: *Все спит – и человек, и зверь, и птица*; мн. ч. употребляется вместо ед. ч.: *Не нужны там Жириновские*; часть обозначает целое: *Всего шесть хвостов поймал* (о рыбе), родовое начало употребляется вместо видового: *Ну что ж, садись, наследник* (вместо имени); видовое название используется вместо родового: *Очень монету звонкую любит* (вместо деньги).

Метафорические и метонимические переносы заслуживают особого внимания: без них человеческий язык не может обойтись по причине ассоциативности мышления и закона экономии языковых средств, действующего в речи.

Фразеологически связанные значения

Слова, имеющие фразеологически связанные значения, употребляются лишь с определенными словами, в устойчивых словосочетаниях. По отношению к свободным словам в предложении фразеологизм выступает как единое целое, не делимое на части. Так, *заговаривать зубы* означает «посторонними разговорами намеренно отвлекать внимание собеседника от чего-либо»; *мыльный пузырь* – «то, что на поверку оказывается неустойчивым, эфемерным, легко разрушающимся». Значение фразеологизма становится определенным при подстановке синонимов, то есть при толковании. Таким образом, связь фразеологизма с называемыми явлениями действительности не прямая. Это связь опосредованная - через слова с прямым номинативным значением.

Фразеологизм характеризуется лексико-грамматической отнесенностью к определенному разряду единиц: глагольных - *воплощать (претворять) в жизнь*, т.е. осуществлять; именных - *шарашкина контора*, т.е. не солидное, не вызывающее доверие учреждение, организация; адъективных - *боек на язык*, т.е. находчив в разговоре, красноречив; адвербиальных – *не лиха беда*, т.е. нетрудно, немудрено и др. Фразеологизмы склоняются или спрягаются в соответствии с их формой (грамматическим разрядом). Этим они похожи на отдельные слова, но выступают в предложении как устойчивые несвободные словосочетания.

Лексические значения фразеологизмов отражаются в специальных фразеологических словарях. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова (СПб., 1994) содержит свыше 4 000 словарных статей, в которых отражен богатый языковой и исторический опыт народа.

Конструктивно, или синтаксически, обусловленные значения

Конструктивно обусловленные значения – это значения, реализация которых зависит от грамматических форм соседних с ними слов, в составе определенной грамматической конструкции. Например, глагол *жертвовать* в конструкции с винит. падежом существительного (*жертвовать ч т о*) имеет значение «приносить в дар материальные ценности» (*жертвовать часть своего дохода на благотворительность*). Этот же глагол с творит. падежом существительного (*жертвовать ч е м*) имеет значение «поступаться чем-л., отказываться от чего-л.» (*жертвовать собственными интересами*).

Дифференциации значений слов способствуют его грамматические функции. Например, слова *собака, змея, осел* в позиции сказуемого в разговорной речи являются бранными, обозначая качества человека (с точки зрения говорящего). Такой синтаксически обусловленный тип значения реализуется в слове в том случае, когда слово выступает в предложении в определенной синтаксической функции – в качестве сказуемого. Имена существительные указанного типа не являются нейтральными наименованиями, а наоборот, обозначают экспрессивно-эмотивные характеристики положительного или отрицательного свойства: *Ты молодец (чудо, зайчик)* – по отношению к человеку; *Это дикость (бред, облом)* – по отношению к ситуации. В русском языке есть и такие слова, которые не имеют другого употребления, кроме как в синтаксически-обусловленном значении: *да, нет, жаль, смеркается*.

Современная лингвистика рассматривает типы лексических значений и характер связи между ними, традиционно опираясь не только на словарь, но и на всю современную теорию и практику исследований языка (речи). Представление о типах лексических значений обогащается. Они выделяются по разным основаниям, среди которых главными стали подразделения:

- 1) по исторической перспективе: первичные, немотивированные и вторичные, мотивированные лексические значения;
- 2) по способу существования полнозначных слов в языке: свободные номинативные, фразеологически связанные и синтаксически обусловленные лексические значения;
- 3) по характеру переноса наименований: метафорические и метонимические (включая синекдоху) лексические значения;
- 4) по принадлежности к дихотомии «язык» - «речь»: языковые (*онтологические, системные, когнитивные, узуальные*) и речевые (*коннотативные, прагматические, коммуникативные, контекстуальные, окказиональные*) лексические значения;

- 5) по характеру отношений языкового знака в семантическом треугольнике: предметные (*денотативные*) и признаковые, характеризующие (*сигнификативные*) лексические значения;
- б) по степени выявленности в речи: явные (*эксплицитные*) и скрытые (*имплицитные*) лексические значения.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Актуальные проблемы функциональной лексикологии.* СПб, 1997.
- Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (Синтаксис и лексика). - В кн.: Лингвистика и поэтика, М., 1979.
- Баранов А. Г.* Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
- Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984; *Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики. Л., 1999.
- Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. / Изд. 2/. М., 1972.
- Виноградов В. В.* О формах слова. – В его же кн.: Исследования по русской грамматике / Избранные труды. М., 1975.
- Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слов – В его же кн.: Лексикология и лексикография / Избранные труды. М., 1977.
- Гвоздев А. Н.* Современный русский язык. / Ч.1. – М., 1977.
- Золотова Г. А.* Соотношение лексики, морфологии и синтаксиса в категории частей речи и в системе русского языка // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982, С. 122-132.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976, С. 23-34.
- Караулов Ю. Н.* Об одной тенденции в современной лексикографической практике // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. / Виноградовские чтения. 1X-X. М., Наука, 1981, С. 135-152.
- Киселева Л. А.* О языковых функциях и обусловленных ими языковых полях // Грамматика и лексика русского языка. Л., 1971.
- Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 2. М., 2004.
- Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Метафора в языке и тексте.* М., 1988.
- Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
- Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
- Никитин М. В.* Пределы семиотики // Вопросы языкознания, № 1, 1997.
- Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка. - В его же кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи. / М., 1974, С. 158-181.
- Очерки истории языка русской поэзии XX века / Раздел 1. Эволюция тропов.* М., 1995.
- Падучева Е. В.* К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, № 4, 2001.
- Пешковский А. М.* Понятие отдельного слова. – В его же кн.: «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика». Л., 1925
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I - II. М., 1958.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1994 и след. издания
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Словарь русского языка в 4-х т. (МАС).* М., 1981-1984.
- Современный русский язык: Учебник / Под ред. В. А. Белошапковой.* – 2 изд. М., 1989.

Современный русский язык: Учебник / П. А. Лекант и др. – М., 1999.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды. - В кн.: Языковая номинация (Виды наименований), М., 1977.

Толковый словарь русского языка. / В 4-х т. Под ред. Д.Н. Ушакова. / - М., 1935-1940.

Фразеологический словарь русского языка. СПб., 1994.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М., 1964 и след. изд.

Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы). Вопросы языкознания, № 4, 1997.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988, С. 168-202.

Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974.

Контрольные вопросы и задания

1. На какие группы делятся единицы языка по своему назначению? Как определяется слово?
2. Чем отличаются слова знаменательные от слов служебных? Укажите признаки знаменательных слов.
3. Чем отличается слово а) от морфемы, б) от словосочетания?
4. Приведите факты взаимодействия лексики и грамматики. Что такое форма слова? Как словоформу понимают в грамматике?
5. Назовите функции слова в языке и объясните, почему они так называются. Определите функции подчеркнутых и выделенных в тексте слов (конкретизация или обобщение, денотация или сигнификация). Обратите внимание на сочетание этих функций.

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувства. Жестокие выражения, на которые батюшка не поскутился, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. (А. Пушкин).

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже детей за стол, но еще на высоких стульях. При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкой (Н. Гоголь).

Завистники русских говорят, что мы имеем только в высшей степени переимчивость; но разве она не есть знак превосходного образования души? Сказывают, что учители Лейбница находили в нем также одну переимчивость (Н. Карамзин).

6. Дайте определение лексического значения. Какие типы содержания выделяют в структуре лексического значения и почему они так называются? В следующих предложениях найдите слова с когнитивным, прагматическим и смешанным типом значений. Поясните свой ответ.

1) С причаливавших лодок весной шла бойкая торговля невской корюшкой и плотвой. У Тучкова моста на обоих берегах реки, т.е. на Петроградской стороне и на Васильевском острове, размещались два «пеньковых буяна» – два грандиозных амбара для льна и пеньки.

Ахматова называет город той поры «дотрамвайным». Основным общественным транспортом были конки – конно-железные дороги. Одноэтажный или двухэтажный вагон везла лошадь или две (И. Вербловская).

2) От приличного сидения за столом у него по всему телу ползли мурашки (А. Толстой).

3) Хорошо бы посидеть в настоящей комнате, за настоящим столом, погреться у настоящей печки (С. Лагерлеф).

4) – Ай, ай, ай, - сказал полицейский, - дело, кажется, скверное (А. Толстой).

5) Варвара сказала правду: доктор остался без хлеба (К. Чуковский).

6) Под осиной сидела лиса и видела воровские сны (А. Толстой).

7) Как им, должно быть, хорошо! – думала Серая Шейка (Д. Мамин-Сибиряк).

8) Все эти рассказы – вздор и болтовня.

9) Теперь-то он как шелковый, а ведь раньше от него житья не было.

10) Я запуталась в лабиринте твоих мыслей. Я хочу услышать прямой ответ.

7. Какие типы лексических значений вы знаете? Укажите разницу между ними, анализируя нижеследующий фрагмент.

Губернатор подошел к Одинцовой, объявил, что ужин готов, и с озабоченным лицом подал ей руку. Уходя, она обернулась, чтобы в последний раз улыбнуться и кивнуть Аркадию. Он низко поклонился, посмотрел ей вслед (как строен показался ему ее стан, облитый сероватым блеском черного шелка!) и подумав: «в это мгновение она уже забыла о моем существовании», - почувствовал на душе какое-то изящное смирение...

- Ну что?- спросил Базаров Аркадия, как только тот вернулся к нему в уголок. – Получил удовольствие? Мне сейчас сказывал один барин, что эта госпожа – ой, ой, ой?

- Я этого определения не совсем понимаю, - отвечал Аркадий.

- Вот еще! Какой невинный!

- В таком случае я не понимаю твоего барина. Одинцова очень мила – бесспорно, но она так холодно и строго себя держит, что...

- В тихом омуте... ты знаешь! – подхватил Базаров. – Ты говоришь, она холодна. В этом-то самый вкус и есть. Ведь ты любишь мороженое? (И. Тургенев)

Р а з д е л 5

Общая характеристика предложения как коммуникативной единицы языка

Предложение выступает центральным объектом изучения в языке на синтаксическом уровне системы, поэтому обратимся сначала к понятию **с и н т а к с и с**.

Термин пришел к нам из античности, из философской школы Зенона (школа стоиков). В переводе с греч. *syntaxis* означает ‘построение, порядок’. Это ощущение порядка или, наоборот, неупорядоченности, связанное с синтаксисом, хорошо передают строчки стихов Н. Заболоцкого:

Битва слов! Значений бой!
В башне Синтаксис – разбой.

Синтаксис домики строит не те,
Мир в неуклюжей стоит красоте!

Со времен античности формы синтаксиса определялись по их способности выражать категории логики. Неслучайно В. Г. Белинский считал грамматику логикой языка, а русский языковед А. А. Шахматов называл синтаксисом ту часть грамматики, которая «рассматривает способы обнаружения мышления в слове».

Синтаксис представляется как раздел грамматики, изучающий процессы порождения речи: сочетаемость, порядок следования слов (или номинаций) внутри предложения. Что же касается взаимодействия в языке таких разноуровневых единиц, как *слово* и *предложение*, то чешский лингвист В. Матезиус определил синтаксис как учение о средствах и способах комбинации номинативных единиц для получения единиц коммуникативных. Причем, в отличие от морфологического и фонетического уровней языка, синтаксис оперирует не столько языковыми единицами, сколько отношениями между языковыми единицами в строе связной речи. Иногда морфологию и синтаксис сравнивают с взаимоотношением анатомии и физиологии. Морфология изучает строение лексических форм, рассматривая их в изоляции, в то время как синтаксис – дисциплина, изучающая правила конструирования и связи полнозначных и служебных единиц с целью организации речи.

М. В. Ломоносов определил **п р е д л о ж е н и е**, как «речь, полный разум в себе содержащую», то есть единицу мышления. Современная грамматика делает упор на коммуникативную функцию в определении предложения, не упуская из виду конструктивный аспект в построении этой единицы мышления: **предложение – это особая синтаксическая конструкция, образованная по определенной схеме и специально предназначенная для того, чтобы стать сообщением**. *Схема* предложения – отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов (предикативный и номинативный минимум),

необходимых для создания той или иной структуры мысли. Схемы и семантические модели русского предложения описываются в академических грамматиках русского языка (Грамматика современного русского литературного языка, 1970; Русская грамматика, 1980).

Обратим внимание на концовку в определении предложения: конструкция, «предназначенная для того, чтобы стать сообщением». Это означает, что предложение само по себе сообщением не является, а лишь готово им стать. Предложение – всего лишь системная единица, построенная по языковым законам. Она становится сообщением в контексте речи, в составе речевой ситуации, где сообразно целям говорящего единица языка приобретает признаки живого высказывания: соотносится с действительностью, снабжается фразовым ударением, соответствующей интонацией, имеет определенный смысл.

Таким образом, в тексте предложению соответствует *высказывание*. Оно выступает как единица речи, построенная на базе предложения. Рассмотрим это соотношение подробнее.

Предложение и высказывание

Предложение как единица языка самодостаточно, все его свойства объясняются изнутри. Напротив, высказывание выступает не само по себе, а как часть текста. Оно существует в контексте ситуации.

Допустим перед нами предложение: *Им нужен переводчик*. В зависимости от характера ситуации, на базе этого предложения можно построить несколько высказываний. Обозначим ту или иную коммуникативную ситуацию исходным вопросом - в ответ получим то или иное конкретное высказывание.

- Ситуация полной неопределенности (неизвестности): *Чего они хотят* (что им нужно)?
- *Им нужен переводчик*.

- Ситуация определенной неизвестности: *Кому нужен переводчик?* - *Им*. Отвечая на вопрос, говорящий выделяет интонацией ту часть высказывания, которая выступает коммуникативно актуальной.

- Ситуация уверенного знания: *Да. Им нужен переводчик* (*Переводчик им нужен*). В случае неуверенности или недоумения со стороны собеседника, говорящий нередко строит высказывание с утверждением необходимости (таким образом необходимость, как и возможность, сопровождается интонацией утверждения).

Очевидно, что высказыванием может служить одно слово (*Им, Да*), иногда - только речевой жест, междометие (*Угу*). **Высказывание – это любой линейный отрезок речи в данной речевой обстановке достаточный для понимания сообщения.** Высказывание не существует без интонации, без конкретной цели сообщения (Русская грамматика, 1980, С. 84). Синонимом *высказывания* выступает термин *фраза*.

Посредством текста высказывание включается в область человеческого общения, и его семантика расширяется, включая значения, связанные с энциклопедическими знаниями. В силу отмеченных выше свойств, «высказывание может рассматриваться как наиболее представительный объект синтаксико-стилистического анализа. Особенно для публицистики, в произведениях которой активно реализуются все смысловые планы высказывания: собственно сообщение, отношение к нему говорящего и апелляция к читателю» (Рогова, 1970, С. 19).

По выражению М. М. Бахтина, «целое высказывание – это уже не единица языка, а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл» (Бахтин, 1979). По этой причине современная грамматика отводит важное место не только описанию функций предложения в системе языка. Она не упускает из вида и теорию речи, фиксируя типичные коммуникативно-смысловые функции высказываний в ее составе (см. ниже).

§ 1 Основные признаки предложения и вопрос о модальности в грамматике. Понятия грамматической формы и грамматического значения. Типы грамматических значений

В отличие от слова, предложение отличается абстрактностью синтаксической схемы, но являясь коммуникативной единицей языка, характеризуется способностью формировать высказывания. Свойство предложения формировать суждение из наименований, называется *п р е д и к а т и в н о с т ь ю* (от позднелат. *praedicatum*: сказанное). Предикативность относит содержание предложения к действительности и тем самым делает его единицей, предназначенной для сообщения. *Предикативность* – это сопряженность предикативного признака (сказуемого) с его носителем (субъектом, подлежащим).

По одной из традиций, существующих в нашей грамматике, предикативность складывается из совокупности 3-х частных синтаксических значений – значений лица, времени и модальности.

Основные признаки предложения

Категория *л и ц а* является важнейшим признаком предложения. Без нее невозможно себе представить ни одного высказывания, поскольку есть лицо говорящего и его обращенность к собеседнику (даже к самому себе), и есть предмет, о котором идет речь (даже если он не выражен прямо, подразумевается). Категория лица имеет в предложении свою коммуникативную структуру, которая включает

- отнесенность к говорящему (1-е лицо в собственно-личном значении: *Я позвоню, Мы успели на поезд, Успели!*, где показателем лица является и глагольное окончание);

- отнесенность к собеседнику (2-е лицо в собственно-личном значении: *Тебе весело? Вы очень заинтересованы; Ведь так?*, где обращение подразумевает 2-е лицо собеседника);

- отнесенность к остальным лицам, или предметам, не участвующим в общении, но обозначенным говорящим в качестве предмета высказывания (3-е лицо в предметно-личном значении: *У него /он/ радость /она/; Жареное /оно/ вредно; В коридоре шум /он/*).

Таким образом, **синтаксическое лицо** – это отнесенность сообщаемого к участникам и предмету речи, причем с фигурой говорящего мы встречаемся и «до текста», при трактовке всех трех названных типов лица (см.: Золотова и др., 2004, глава 1, раздел 2).

Если синтаксически лицо говорящего не выражено, его легко восстановить в структуре предложения. Достижением современной грамматики стало введение в обиход синтаксического анализа понятия модальной рамки высказывания, что позволило вывести на поверхность из глубинной структуры предложения скрытое лицо говорящего и состояние его сознания, связанное с предметом речи и целью сообщения. Модальная рамка (лат. *modus* – мера, способ) подразумевает целенаправленный способ представления говорящим сообщаемого, измеряемый оттенками его отношения к предмету мысли. Введение модальной рамки позволило эксплицировать лицо говорящего в структуре любого высказывания. Так, в предложениях *Отец придет в четверг* и *Скислое молоко при кипячении свертывается* могут содержаться в скрытом виде предпосылки-утверждения от лица говорящего: Я думаю, / доволен, / не уверен и т.п., *что отец придет в четверг*; Я сообщаю, / напоминаю, / хочу тебе показать и т.п., *что скислое молоко при кипячении свертывается*. Как видно, эти утверждения в открытой форме содержатся в структуре сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, где модус говорящего выражен в главном предложении.

Синтаксическое время – это отнесенность высказывания к моменту речи, согласно традиционной грамматике. Считается, что с помощью грамматических показателей выражается совпадение высказывания с моментом речи. Таким образом, время в грамматике – это не просто «объективно» реальное время, а результат отношения двух «времен»: времени события ко времени речи. Поэтому временное отношение устанавливается во время самой речи (Реформатский, 1967, С. 327). С помощью грамматических показателей (глагольных окончаний, суффиксов, вспомогательных слов) выражается утверждение сообщаемого как соответствующего моменту речи (настоящее *Я говорю, Я пишу, Я курю*), предшествующего моменту речи (прошедшее *Я говорил, Я писал, Я курил*) или последующего после момента речи (будущее *Я буду говорить, Я буду писать, Я буду курить*).

С другой стороны, исследования ученых показали, что в речи «выбор темпоральных (то есть временных – Т. К.) форм и их комбинации в тексте определяются не столько

реальным моментом речи, сколько представлением говорящего о соотношении времени события и времени его восприятия, наблюдения» (Золотова и др. Коммуникативная грамматика..., С. 22).

С п р а в к а. Г. А. Золотова считает, что «момент речи далек от точечного». Лингвисты выделяют *настоящее актуальное, настоящее расширенное, постоянное, вневременное, гномическое, историческое*. «Иными словами, точка отсчета времени не фиксирована моментом порождения текста, она подвижна и может перемещаться по воле говорящего». Авторы «Коммуникативной грамматики» выделяют время T_1 календарное (природное, внеязыковое), T_2 текстовое (событийно креативное) и T_3 перцептивное, выражающее позицию, восприятие говорящего по отношению к сообщаемым событиям текста; подчеркивается «неоднородная подвижность говорящего-наблюдателя, свободу перемещения его «наблюдательного пункта» (Золотова и др. Коммуникативная грамматика..., С. 24).

Таким образом, в грамматике речи актуализировалась категория «точка зрения», до сих пор в большей степени используемая в рамках литературоведческого анализа (поэтики).

Синтаксическая модальность в формальной грамматике понимается как сопутствующая формированию мысли говорящего оценка им сообщаемого как реального или ирреального по отношению к действительности. Синтаксическим средством выражения модальности является, в первую очередь, глагольное наклонение. «Наклонение в грамматике относится к модальным категориям, которые показывают целевую установку речи, в которой подается в речи высказывание: в виде утверждения, отрицания, приказания, пожелания, допущения и т. п.» (Реформатский, 1967, С. 329). По традиции, существующей в нашей грамматике с начала 50-х гг., различают *объективную* и *субъективную* модальность.

Согласно этой теории, первая разновидность - так называемая *объективная* модальность, фиксирует отношение сообщаемого к действительности и выражается наклонением. Различают два вида объективной модальности в предложении - объективную реальную и объективную ирреальную.

1) Если сказуемому соответствуют формы глагола изъявительного наклонения (настоящего, прошедшего или будущего времени), это означает, что высказывание расценивается говорящим как реальное, соответствующее действительности: *Россия была, есть и будет типичной Евразией* (объективная модальность *реальности*).

2) Если сказуемому соответствуют формы глагола сослагательного (условного, желательного) и повелительного наклонений, это означает, что высказывание расценивается говорящим как ирреальное, то есть не соответствующее действительности, а только предполагаемое, желаемое, требуемое и т. п.: *Он мог бы через день вернуться, Скорей бы лето, Не спи!* (объективная модальность *ирреальности*).

Вторая разновидность – так называемая *субъективная* модальность, согласно данной теории, передает отношение говорящего к содержанию сообщения и выражается

разнообразными языковыми средствами, как грамматическими, так и лексическими. Особая роль принадлежит интонации, которая способна передавать субъективно-оценочные значения без помощи других языковых средств. Например, фраза *Птичий грипп движется с юга на север* может звучать с разными нюансами отношения говорящего (о языковых средствах выражения субъективной модальности см.: Виноградов, 1975, С. 53-87; Русская грамматика, Т. 2, 1980, С. 214-236).

Хотя во многих грамматиках, учебных и справочных изданиях отмечалось, что многообразие значений и средств выражения так называемой субъективной модальности перекрывает выражение объективной модальности, положение этих двух разновидностей в грамматиках советской эпохи было неравноценным. По идеологическим причинам *объективной модальности* придавался всеобъемлющий характер, так как «объективно-модальное значение присутствует в любом предложении». Вторая разновидность, наоборот, идеологически принижалась как «субъективно-идеалистическая». Сравните: «...каждому представителю материалистического языкознания ясно, что в предложении отражается объективная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей»; «в буржуазном языкознании категория модальности, понимаемая, обычно искаженно – в субъективно-идеалистическом плане, иногда рассматривается как основа смыслового единства...» (Виноградов 1975, С. 53).

Статус объективной модальности был так высок, что она стала ассоциироваться с предикативностью вообще: их научные дефиниции почти совпадали (см.: Грамматика русского языка. Т. 2, часть 1. М., 1960). Данная трактовка была законсервирована и встраивалась на правах официальной в последующие грамматики и вузовские пособия. До сих пор в учебных изданиях можно встретить утверждение, что объективно-модальное значение присутствует в любом предложении, в то время как субъективная модальность факультативна (присутствует не везде), что «говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщаемому» (Русская грамматика, Т. 2, 1980, С. 215).

Между тем такое заявление не совсем корректно. Говорящий волен выбирать разные способы выражения своего отношения к сообщаемому, в том числе, может относиться к нему нейтрально, но такое «никак-отношение» тоже выражается: отсутствием личностных показателей, сдержанной интонацией, скрытой оценкой (в акте констатации).

Всеобъемлющий статус «объективной модальности» в теории предложения не выдерживает критики, т. е. проверки логикой. С одной стороны, он противоречит понятию *модальной рамки* высказывания, субъективному началу в языке и речи, а с другой стороны, не вполне соответствует той роли, которую играет в составе формы предложения интонация.

На самом деле объективно-модальное значение в предложении может отсутствовать и часто отсутствует, например, в неполных предложениях. Сравните: *Пришел врач? Ну и слава богу!* Объективно-модальное значение содержится здесь в скрытом виде: *Ну и слава богу, что пришел врач*. Открыто выступают субъективно-модальные смыслы (ориентировочный вопрос и модусное значение одобрения в восклицательном предложении). Следовательно, утверждение об обязательном выражении объективной модальности некорректно. Подобных предложений много не только в разговорно-диалогической речи, но и в письменной - всюду, где выражается мнение. Модусные предложения такого рода обозначают мысль, чувство, состояние сознания говорящего в главном предложении, в то время как выражение самого предмета мысли в придаточном предложении не является объективным фактом (нефактивно): *Я не думаю, / предполагаю, / не верю, / сомневаюсь, / радуюсь, / читал, / согласен, что не всем старым теориям приходит конец*.

Рассмотрим другой показательный пример: *Шкаф стоит в углу, а стол у окна*. Казалось бы, в предложении присутствуют только объективно-модальные значения временной и пространственной определенности. Но такой ответ не будет правильным, так как здесь целенаправленно выражается субъективное отношение утверждения, т.е. уверенности, которую проявляет говорящий. Это субъективное начало минимизировано, выражено лишь интонацией, но может быть восстановлено в модальной рамке: *Я знаю и утверждаю, / хорошо помню и сообщаю, что....* Нельзя отрицать того, что пространственная точка зрения принадлежащая говорящему, может еще сопровождаться субъективной оценкой (плюс / минус / нейтральная) в интонации.

Не раз отмечалось, что так называемая объективная модальность имеет «регистрирующий» характер, помещая предмет высказывания или положение дел в сферу реальности настоящего, прошедшего или будущего. Логичнее было бы понимать под термином «объективная модальность» разновидность антропоцентрического модуса – одного из многих других, но такого, в котором точка зрения субъекта регистрирует независимое от лица объективное положение вещей: *Молекула состоит из атомов; Л. Толстой в годы выхода словаря В. И. Даля работал над романом «Война и мир»; Овощи гниют в сыром хранилище*. В таких высказываниях представлен некий общечеловеческий опыт говорящего как мыслящего существа. Ведь область знаний, ощущений просто живого лица могут быть обозначены без особых признаков авторизации. Ср.: *Условия жизни изменились; безличные предложения Смеркается; Похолодало*. Однако и такие предложения не могут совершенно исключить субъективного значения, которое в данном случае является значением утверждения от лица мыслящего субъекта.

Выражение объективных и субъективных значений в предложении зависит не столько от предикативного центра, сколько от его лексико-грамматического окружения, в частности от слов с их функциями денотации (предметными типами значений) и сигнификации (признаковыми типами значений). Возьмем для примера три разных предложения: *Представьте себе зимний сад; В комнате было светло; Я тебе должен сделать одно признание*, - начал Иван, - я никогда **не мог** понять, как **можно** любить своих близких (Достоевский). Очевидно, что объективное и субъективное в содержании предложений невозможно рассматривать без учета их составляющих слов (наименований). В способах представления сообщаемого совмещаются субъектно-объектные значения, т.е. предметные или денотативные (*зимний сад, комната, признание, Иван, я, ты, близкие*) с наименованиями сигнификативными, выражающими субъективные отношения в предикатах (*представьте, было светло, должен сделать признание, никогда не мог понять, как можно любить*). Кроме того, субъективно окрашен смысл сообщаемого в целом.

Так или иначе, но в связи с существующей традицией описания признаков предложения следует отметить условность разграничения синтаксической объективной и субъективной модальности. В предложении понятие объективной модальности имеет относительный характер. Была предложена компромиссная точка зрения – логичнее называть синтаксическую модальность *объективно-относительной* (Степанов, 1981). Еще в начале 20-го века русский языковед А. М. Пешковский говорил о модальности как «отношении к отношению», включающем 1) отношение сообщаемого к действительности, которое устанавливается с точки зрения говорящего, и 2) отношение говорящего к устанавливаемому им же отношению-1.

Модальность целиком связана с образом мыслящего субъекта вообще и речевой политикой говорящего в частности. В современной грамматике выработалось «единое понимание значения предложения как комплекса разных по своей природе компонентов». Отмечается, что значение предложения, в отличие от значений слова и словосочетания, «не может ограничиваться выражением объективной действительности – информацией о мире и его осмыслении» (Современный русский язык 1989, С. 679). По мысли швейцарского лингвиста Ш. Балли, выражаемую предложением мысль «нельзя свести к простому представлению, исключающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» (Балли, 1955, С. 44).

Одно из первых изданий, включивших такую взвешенную концепцию в учебный процесс, - коллективный труд под ред. В. А. Белошапковой «Современный русский язык» (1989). Наряду с формальным строением предложения, здесь в центре внимания и его смысловая структура, оформленная как неперемutable сочетание объективного и

субъективного содержания высказывания. При этом учитываются разные точки зрения на предмет сообщаемого, разные позиции говорящего. Говорится о двух основных установках говорящего на способ представления сообщаемого: 1) объективном, неавторизованном (мера присутствия личности говорящего сведена к минимуму) и 2) субъективном, авторизованном (в разной степени и манере).

Особенную ценность для нас имеют следующие положения.

1. Субъективные значения, исходящие от говорящего (авторизованные), имеются в каждом предложении. Значения же исходящие от любого мыслящего субъекта (неавторизованные), входят в содержание далеко не каждого предложения. В специальных случаях существует стилевой показатель деятельности субъекта (технический, медицинский и т.п. тексты).

2. Выделяются три обязательных субъективных значения, исходящие от говорящего: 1) **предикативность**, т.е. реальность / ирреальность и время; 2) **целеустановка**, т.е. вопросительность / невопросительность; 3) **персуазивность**, т.е. достоверность / недостоверность (лат. *perseptio* восприятие, представление). Заметим, что центр предложения (предикативность) относится к субъективным значениям (определяется субъектом речи).

3. Говорящий выступает как субъект речи, так или иначе проявляющий волю. Например, отмечается, что модальные слова, которые принято называть показателями достоверности (*безусловно, конечно, действительно* и т.п.), не вносят изменений в персуазивную характеристику предложения, их функция экспрессивная: они служат знаком того, что говорящий по каким-то причинам настаивает на своей оценке информации.

4. Языковые средства характеризуются с точки зрения их концентрации вокруг двух типов содержания предложения. Говорится о том, что **объективные значения выражаются лексическими средствами** (их носители – знаменательные слова), **субъективные же тяготеют к выражению средствами грамматики.** Важно и другое замечание. **Субъективные значения есть в любом предложении,** хотя они могут и не иметь в нем материального выражения (выражаться отсутствием показателей или переноситься из соседних предложений в тексте). **Объективное содержание менее допускает имплицитность** (скрытость) **выражения,** что имеет место, например, в эллиптических и односоставных предложениях, словах-предложениях (*Да, Нет*).

Итак, за пределами консервативной, формально-грамматической теории предложения существует иное толкование категории модальности, которое в большей степени отвечает ее природе и логике. В современной лингвистике утвердился взгляд на модальность как на широкую **функционально – семантическую и прагматическую**

категорию, которая выражает разные виды отношения высказываний к действительности с учетом их субъективной квалификации со стороны говорящего. Модальность давно признана языковой универсалией, «в языках индоевропейской системы она охватывает всю ткань речи» (Виноградов, 1975). Самый термин «модальность» используется сейчас для обозначения широкого круга явлений, связанных с оценочной деятельностью субъекта речи и неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам, по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры.

Что же касается *синтаксической модальности*, то это лишь абстрактная категория, выражающая один из признаков предложения. Она выступает как необходимая данность в структуре мысли, а значит и предложения. Русская академическая грамматика (1980) отстраненно определила *объективно-модальные значения «реальности – ирреальности»* как значения, «заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий», считая, что они присутствуют в любом предложении. Данная трактовка получила свой шанс в теории русского предложения, однако мы назовем ее схоластическим, формальным знанием, оторванным от жизни и практики.

На современном этапе развития отечественной лингвистики можно утверждать, что грамматическое понятие предложения становится все более **антропоцентричным**. В составе предложения вычлняются компоненты как объективного, так и субъективного содержания, без настоятельного утверждения того, что субъективность не является обязательным признаком предложения. Соотношение компонентов *объективного* и *субъективного* варьирует (Балли, 1955) в зависимости от коммуникативной задачи высказывания, что является предметом изучения в теории языка и речи. См.: Шмелева, 1988; Современный русский язык, 1989, § 56-58; Баранов, 1993; Коньков, 1995; Краснова, 2002; Золотова и др. Коммуникативная грамматика русского языка, 1998 (2004).

Подведем окончательный итог. В современной грамматике существуют системно-языковое и коммуникативно-смысловое представления о предикативном значении и структуре предложения, связанные с категорией модальности.

В системно-языковом представлении в составе модальности как признаке предложения условно противопоставляются *объективная модальность* (главная, определяющая) и *субъективная модальность* (дополнительная, факультативная). Такая трактовка модальности доминировала в советскую эпоху, представлена в академических грамматиках 1954 (1960), 1970 и 1980 гг., во всех вузовских учебниках и пособиях, изданных в советское время или современных российских, но соблюдающих эту традицию.

В коммуникативно-смысловом представлении в составе предложения выделяются *субъективные* и *объективные значения*. Они имеют отношение к речевой политике говорящего с учетом фактора авторизации / неавторизации сообщаемого, к способам его подачи (лексическим и грамматическим), к организации смысла высказывания в целом. Такая трактовка предложения давно существует в зарубежной лингвистике и становится ведущей в нашей стране, пробивая себе путь в специальных изданиях и вузовской учебной литературе (Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955; Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой, М., 1989; Золотова Г. А. и др. Коммуникативная грамматика ..., М., 1998 (2004); Краснова Т. И. Субъективность – модальность, СПб., 2002).

Понятия грамматической формы и грамматического значения

Грамматическая форма – это языковой знак, в котором грамматическое значение находит свое регулярное стандартное выражение. Изучение форм – главный предмет традиционной грамматики.

В морфологии под формами понимают регулярные видоизменения слов определенных частей речи (например, форма имен., форма родит. и т.д. падежа множ. числа существительного; форма 1-го, форма 2-го или 3-го лица ед. числа наст. времени глагола и т.п.). Все формы одного и того же изменяемого слова составляют его *парадигму*. Конкретное слово в определенной морфологической форме называется, как уже говорилось ранее, грамматической *словоформой*. О форме слова как объекте синтаксиса см.: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой / М., 1989, гл. 2.

Парадигма предложения – это система его форм. Систему образуют такие формы предложения, в которых глаголы различаются по категориям времени и наклонения. Это целый комплекс модально-временных форм одного и того же предложения: *Он пишет, Он писал, Он будет писать, Он писал бы, Пусть он пишет, Если бы он писал, то...* «Отличительным признаком предложения является именно его охарактеризованность по положению на «модально-временной оси», т. е. предикативность; это категория, в которой заключена грамматическая сущность предложения» (Современный русский язык, 1989, С. 664).

Что касается грамматической формы выражения модальности, то, например, выдающийся русский языковед А. А. Шахматов не накладывал никаких ограничений на средства выражения разных значений категории наклонения (далее подчеркнуто нами – Т.К.). «Во-первых, - писал он, - оно может обнаружиться морфологически в форме глагольного сказуемого, посредством изменения его основы или окончаний; во-вторых, в

особых служебных словах, сопровождающих сказуемое или главный член предложения; в-третьих, оно может обнаружиться в особенном порядке слов в предложении; в-четвертых, в особенной интонации сказуемого или главного члена односоставного предложения» (Шахматов, 1941, С. 481). Не случайно, под категорией синтаксической модальности часто подразумевают сумму значений, свойственных наклонениям, но выражаемых помимо наклонений и другими средствами языка (вводно-модальными словами, частицами, междометиями, специальными конструкциями типа *Нет чтобы подождать! Чем не подарок! Мало ли что!*). См.: Ломтев, 1972, С. 83 и далее. Модальность выражается также соединением словоформ (*Читать не читаю; Кому-кому, а мне напишет; Свинья свиньей*), соединением союза и частицы (*Возьму вот и продам, Вот это плут, так уж плут*), синтаксическими повторами, вводными предложениями, обособлением и другими синтаксическими приемами (парцелляция, сегментация, антитеза, градация, период).

Грамматические значения - это общие значения, связанные с реализацией грамматических категорий, характерные для целых категорий (слов, моделей, схем построения словосочетаний и предложений). Это, например, значения падежа (родительный количественный *книг-то, народу*; родительный прикомпаративный *выше меня*, родительный агентивный *запрос прокуратуры*), значения наклонения (*условное, желательное, побудительное* и др.), значения структурной схемы предложения. Например, схема $N_1 - Inf$ имеет значение отождествления *Его забота - защитить детей, Цель экспедиции - подтвердить гипотезу*; схема N_2 / N_4 имеет грамматическое значение «желаемое или требуемое наличие» *Снежку бы!* (N_2 - имя в род. п.), *Ваши документы!* (N_4 - имя в вин. п.).

Грамматические значения отличаются от лексических высоким уровнем обобщения и регулярностью выражения: значение предметности у существительных, процессуальное значение у глаголов, обстоятельственные значения (локальное, темпоральное, причинное, целевое и т.п.) у морфем, наречий, придаточных предложений.

Когда говорят о *предикативном значении предложения*, то подразумевают под этим грамматическое значение, которое складывается из частных значений наклонения, времени, лица. Приведем примеры с комментарием:

Каждый завод можно было узнать по гудку - предикативное значение реальности в прошлом, совмещается со значением объективной возможности (в прошлом); косвенно присутствует значение субъекта восприятия в безличном предложении;

Сейчас с вами будет говорить Николай Петрович - предикативное значение реальности, т.е. временной определенности в будущем, связано с моментом речевого обращения (*сейчас*), с

собственно-личными значениями лица говорящего (косвенно обозначено наречием времени) и лица собеседника (местоимение 2-го лица *с вами*);

... **берегите** наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками (Тургенев) – предикативное значение ирреальности, в форме волитивного обращения *берегите* к совокупному субъекту-собеседнику, связано с выражением позитивной оценки объекта желаемого действия *язык (прекрасный, этот клад, это достояние* – субъективная модальность, выраженная в признаковых словах);

Как уже говорилось, значение синтаксической модальности формально определяется по глагольному наклонению. Различают шесть видов наклонений (Н. Ю. Шведова), т.е. объективно-относительных модальных значений предложения, устанавливаемых с точки зрения говорящего: 1) изъявительное: *На улице мороз. Топится печка. Я читаю* (наст.) / *На улице был мороз. Топилась печка. Я читал* (прош.) / *На улице будет мороз. Будет топиться печка. Я буду читать* (буд.); 2) сослагательное: *На улице был бы мороз. Топилась бы печка. Я бы читал*; 3) условное: **Если бы** *на улице был мороз, то...; Если бы топилась печка, то...; Если бы я читал, то...;* 4) желательное: **Вот был бы на улице мороз!; Топилась бы печка!; Лишь бы читать больше;** 5) побудительное: **Пусть будет мороз на улице!; Затопи! Пусть топится печка; Читай!;** 6) долженствовательное: **Зимой мороз должен быть на улице; Надо топить печку; Я читай, а ты будешь петь во все горло!**

Как видно, из примеров *изъявительное* наклонение выражает реальность в форме трех времен (настоящего, прошедшего, будущего времени). Формы *сослагательного* наклонения передают неосложненное значение ирреальности, гипотетичности. Формы *условного* наклонения функционируют только в составе придаточных предложений условия, имея то же значение ирреальности. *Желательное* наклонение выражает «отвлеченную устремленность к какой-то действительности». Формы *побудительного* наклонения обозначают волеизъявление, частные виды которого передают разнообразные значения – от категорического требования до допущения, принятия, согласия. Формы *долженствовательного* наклонения обозначают «обязательность, вынужденность, предписанность осуществления чего-нибудь» (см.: Русская грамматика. Т.2. 1980, С. 106, 116; Современный русский язык, 1989, С. 661).

Типы грамматических значений

Грамматические значения бывают частного характера и общеязыковые.

1. Типы грамматических значений частного характера делятся на синтаксические, несинтаксические значения и модальные значения.

Несинтаксические значения отражают свойства предметов и явлений внеязыковой действительности. Это, например, такие значения, как количественные (*задача, задачи*), пространственные (*идти лесом*), временные (*выучит – выучил*), орудия или производителя действия у существительных м. р. творит. падежа (*записанные карандашом – записанные композитором*).

Синтаксические значения называют *реляционными*, то есть выражающими отношения. Они указывают на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений (отношения соединительные, противительные, причинные, целевые и т.п.).

Особый характер имеют **модальные** значения, отражающие отношение говорящего к предмету речи или к собеседнику. Модальные значения передаются комплексно – и лексически, и грамматически, и фонетически, т.е. произношением, интонацией (см.: Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах // В его же книге: Исследования по русской грамматике. – М., 1975; Золотова Г.А. Категория модальности // В ее книге: Очерк функционального синтаксиса русского языка – М., 1973, С.140-157; Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений // Русская грамматика – М., 1980, С. 214-236).

Смысловую основу модальности образует понятие оценки, но в широком смысле этого слова: не только логическая (интеллектуальная, рациональная) квалификация сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции. Общеизвестно, что семантический объем субъективной модальности шире семантического объема так называемой объективной (синтаксической) модальности. В этой связи иногда противопоставляют модальность синтаксическую и модальность лексическую. О синтаксических средствах модальности говорилось выше. Лексическая модальность выражается признаковыми словами (глаголами, прилагательными, наречиями, категорией состояния), с помощью оценочных существительных (рациональные и эмотивные номинации) наименованиями разной стилистической окраски (книжная, разговорная, нейтральная), образными средствами (эпитет, сравнение, метафора, олицетворение, гиперболы, литота и пр.).

Модальные значения разнообразны, так как связаны с коммуникативными задачами сообщения. Это значения *достоверности* и *недостоверности*, *возможности* и *невозможности*, *сомнения* и *уверенности*, *необходимости*, *желательности* и т.д., а также значения *положительной* и *отрицательной* субъективной оценки; значения *удивления*, *восхищения*, *благодарности*, *пренебрежения*, *сожаления*, *иронии*, *досады* и т.п. Оценочность в речи рассматривают как разновидность модальности высказывания (см.: Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985).

2. Грамматических значения общеязыкового плана характеризуют язык в целом. Выделяются три абстрагированных типа значения (Степанов, 1981): 1) номинация в широком смысле (выражается лексически и синтаксически); 2) предикация, то есть абстракция любых связей между номинациями, словосочетаниями, предложениями); 3) локация, то есть абстракция отношений человека к месту и времени (*сегодня, в докладе, быстро закончился, снег на крыше* и т.п.). Именно эти закрепленные в грамматике три типа абстрагированных значений являются основой порождения высказываний и выполнения языком 3-х его функций – назвать и классифицировать (*номинация*), привести названное в связь друг с другом (*предикация*), локализовать названное и приведенное в связь в пространстве и времени (*локация*).

Поясним сказанное живым примером. Допустим, вы едете в общественном транспорте с ребенком, а сидящий недалеко от вас пассажир кашляет и чихает. Что появляется в вашем сознании? Возникает импликация (скрытая мысль). Мы вычленим предмет из окружающей действительности, отождествляем его с известным явлением и классифицируем. Дается наименование ситуации (происойдет выбор сигнификата), положим - в форме слова *больной*. Это и есть номинация, первый этап в формировании речи. Пока наша внутренняя речь эллиптична, она представляет собой свернутое высказывание. Если попытаться развернуть ее, то наименование «больной» обернется предикацией, конкретно-отождествительной связью слов: *Он (этот человек) есть больной*. Заметим, что выбор словесных форм, структуры высказывания подчинен принципу локации – размещению высказывания во времени и пространстве в соответствии с осознанной ситуацией. Если воспользоваться схемой выявления субъективности «я – здесь – сейчас» и понятием модальной рамки, то получится: */Я здесь сейчас/... наблюдаю и говорю/: этот человек больной*. Далее возможно прямое обращение к ребенку: *Отойдем подальше!*

§ 2 Функции предложений в языке, функционально-смысловые типы предложений в речи. Структура предложения, виды его членения в грамматике

Ф у н к ц и я - это предназначенность элемента к определенному способу существования в системе. Функция в синтаксисе выражает отношение синтаксической единицы к коммуникативной единице (Золотова, 1973).

Когда говорят о главных языковых функциях предложения, то выделяют две основных: **мыслеформирующую**, или функцию мыслевыражения, и **коммуникативную**, или функцию мыслесообщения. Первая функция выполняет задачу «оформить мысль», вторая функция осуществляет намерение «передать мысль». В речи обе функции

взаимодействуют. Но в конкретных условиях употребления предложения одна из них может оказаться более важной, чем другая. Например, при выражении вопроса или побуждения на первый план выдвигается функция коммуникативная:

- *Вам, конечно, деньги нужны? Да?*
- Прямо жить нечем.
- *Ну, так вот, переделайте мне эту пьесу* (В. Гиляровский)

Другое дело - повествование или размышление человека наедине с самим собой. Проблемы изложения всегда выдвигают на первый план функцию выражения. Так, ниже, в тексте из дневника, преобладают мыслеформирующая доминанта высказывания, эмотивные структуры, комментарии, пояснения «для себя» (для памяти).

Пришел ко мне мальчик Грушкин, *очень впечатлительный, умный, начитанный, 10-летний*. С ним я пошел в детскую санаторию (помещается в дачах, некогда принадлежавших Грузенбергу, доктору Клячко и доктору Соловьеву). Там лечатся и отдыхают дети рабочих – и вообще бедноты. *Впечатление прекрасное. Я думаю, О. О. Грузенберг был бы рад, если бы видел, что из его дачи сделали такое чудное употребление* (К. Чуковский).

Должно быть понятно, что забота о форме выражения своей мысли означает и учет возможности ее восприятия другим человеком, то есть потенциальную коммуникацию.

При отображении действительности, в связи с характером этого отображения и разными видами мыслительного процесса, в языке различают два класса предложений (Золотова, 1982, С. 184-185).

1) Предложения, словесно отображающие наблюдаемое в действительности - явления, факты, свойства и связи денотатов: *Когда самолет остановился, журналисты бросились к трапу. Увы, это был не тот трап, к которому вела ковровая дорожка. Журналисты приготовились исполнять свой профессиональный долг возле механического трапа, и ничто в мире не могло помешать им в этом. Ни раздосадованные крики сотрудников пресс-службы российского президента, ни, мягко говоря, недоуменные взгляды пилотов. Не нужно, наверное говорить о том, что снимать они приготовились ровно против солнца* (В. Колесников). Очевидно, что предикаты, сопровождаемые предметными наименованиями, выявляют субъекта восприятия (наблюдателя ситуации).

2) Предложения, содержащие вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом, то есть установление причинно-следственных, условных связей между явлениями, сопоставление, логическая квалификация и оценка ситуаций и явлений: (1) *Черт русского национального характера очень много.* (2) *Существование их непросто доказать, особенно, если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости – скупость (чаще всего неоправданная), доброте – злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе – стремление к деспотизму* и т.д. (Д. Лихачев). Налицо речевая деятельность субъекта

мысли. Оценочное суждение (1) сопровождается аргументативным высказыванием (2), построенным на условной логической противоположности понятий (антонимы). Комментарий в скобках (вставные конструкции) усиливает логическую квалификацию и оценку.

Следующий отрывок из романа «Война и мир» также демонстрирует указанные языковые классы предложений: в нем представлены и предложения, «словесно отображающие наблюдаемое» в действительности, и предложения «мыслеобразующие»: (1) *Анна Михайловна уж обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже.* (2) *Плакали они **о том, что они дружны; и о том, что они добры; и о том, что подруги молодости заняты таким низким предметом – деньгами; и о том, что молодость их прошла...**Но слезы обеих были приятны* (Л. Толстой). Характер сказуемых в предложении (1) предполагает наблюдателя (субъекта восприятия), в то время как группа связанных градацией предложений (2) содержит предикаты оценки и выявляет субъекта мысли.

Если говорить о типах, или классах, предложений не в соответствии с представлением о языке как системе, а в соответствии с представлением о речи как процессе употребления языка, то картина типологии усложняется. В р е ч и типология предложений по значению затруднена в силу многообразия и многоцелевой направленности речевой деятельности. В составе высказывания различают множество функций: *коммуникативные* (идентификации и предикации, о чем ниже), *экспрессивные* (выражение направленных эмоций с целью воздействия на определенного адресата), *эмотивные* функции (не столь направленное самовыражение говорящего, «спускание эмоционального пара»).

Избирательную языковую деятельность индивида в каждой отдельной речевой ситуации психолингвисты связали с понятием установки. В частности, разные наименования одного и того же денотата – это разность отражения явлений действительности со стороны субъекта речи в момент именованья, а *установка* – это психическая реакция субъекта на воспринимаемые (и мыслимые) объекты. Установки часто стереотипны у носителей языка, что облегчает процесс общения.

В речи функции номинаций реализуются в рамках основных логико-коммуникативных отношений. Наиболее важными являются отношения бытийные, или *экзистенциональные* (от лат. existential - существование), отношения *тождества* (идентификации) и отношения *характеризации*. Н. Д. Арутюнова ввела в грамматику языка и речи *функционально-смысловые типы предложений* (Арутюнова, 1976, 2002). Рассмотрим их в кратком изложении.

Речь объединяет в одном высказывании разные типы информации. Обычно первому этапу логически последовательного изложения соответствует бытийный тип предложения, например: *В Сестрорецке есть библиотека.* Далее логике развертывания изложения соответствует предложение таксономической, или классифицирующей номинации: *Это Центральная библиотека,...* Следующему шагу соответствует предложение конкретного именованя: *...которая носит имя М. М. Зоценко, жившего в Сестрорецке.* Наконец, выделяются предложения характеристики, индивидуализирующие объект: *Коллектив Центральной библиотеки имени М. М. Зоценко сделал огромное дело: объединил усилия всех краеведов, собрал материал и начал издание краеведческого альманаха (из газет).*

В обыденной речи первые два этапа чаще всего объединены, т.е. в бытийном предложении одновременно сообщается о существовании какого-то объекта и о вхождении его в определенный класс. Основными типами синтаксических значений в речи оказываются *идентифицирующее* и *предикатное (бытийное значение чаще подразумевается)*. Предметные имена и местоимения специализируются на выполнении функции идентификации, а прилагательные и глаголы берут на себя роль признаков предмета сообщения. Очевидно и другое: если таксономическая, то есть *классифицирующая*, номинация, относится к фонду общих знаний, то *характеризующая* номинация обычно принадлежит субъективному знанию, или мнению.

В тексте разные типы информации переплетаются. Приведем один живой пример из репертуара А. Райкина:

Был у нас студент (предлож. бытийное + таксономическое).

Звали его Авас (или Овас)... Ну имя у него такое – Авас (предлож. именованя + тождества).

И был у нас доцент, тупой. Доцент был тупой, понимаешь? (предлож. бытийное + таксономич. + характеристики).

(Этот) Доцент на экзамене спрашивает студента (предлож. тождества + характериз.):

- Как вас зовут? (предлож. запроса информации).

- Авас (предлож. именованя).

- Меня – Николай Константинович. А вас?... (предлож. именованя + запроса информации).

- Авас.... (предлож. именованя).

Комизм эпизода заключается как раз в том, что студент не счел нужным последовательно оформить свой ответ как стереотипное предложение тождества *Мое имя (и есть) Авас* (или как полное предложение именованя: *Меня зовут Авас*). Неполная структура предложения и каламбурное созвучие послужили причиной коммуникативного “провала” в диалоге.

Н. Д. Арутюнова считает: «Функция идентификации соотносит предложение с миром; функция предикации, выражая “сказуемое” о мире, принадлежит говорящему субъекту. Полярные семантические типы, входя в состав предложения, позволяют ему соединить мир и мышление о мире” (Арутюнова, 1998, С. 10).

Структура предложения, виды его членения в языке и речи

Любое предложение представляет собой единство конкретного содержания и абстрактной грамматической формы, или структуры. Содержание определяется отбором слов, соотношением их смысла. Для каждого предложения оно индивидуально, неповторимо, в то время как грамматическая форма предложений (схема), может совпадать. Ниже приводятся разные предложения по содержанию, но однотипные по схеме построения. В записи используются графические символы, принятые в академической грамматике русского языка для обозначения структурной схемы предложения (см.: Грамматика современного русского литературного языка /Отв. ред. Н.Ю. Шведова/. - М.: Наука, 1970):

- двусоставные предложения *Возможности есть, Кто поехал в экспедицию?* *Разногласия существуют* образованы по схеме $N_1 - VF$, где подлежащее – имя в им. падеже, а сказуемое выражено личной формой глагола (обозначается VF , «вербум финитум»);

- двусоставные предложения *День пасмурный, Это утверждение ложно, Деньги не получены* образованы по схеме $N_1 - N_1$, где сказуемое (второе N_1) выражено именем прилагательным или кратким причастием (глагольно-именной формой) в им. падеже;

- двусоставные предложения *Желающие налицо, Телеграмма от матери, Самый крепкий кофе – это по-турецки* образованы по схеме $N_1 - ADV (N_2)$, где N_1 – имя в им. падеже, а сказуемое выражено наречием (ADV) или именем в род. падеже;

- односоставные предложения *Можно не согласиться, Не принято поздравлять, Лень спрашивать* образованы по схеме $PRAED INF$, в которой предикатив предшествует инфинитиву;

- односоставные предложения *Времени не остается, Дел хватает, Полку газетчиков прибыло* образованы по схеме $GEN VF_{3S}$, в которой представлены род. падеж имени и личная форма глагола ($3S$ - 3 лицо).

Грамматическая форма в виде структуры является общей для множества предложений, она повторяется в них как стереотипная и воспроизводится как живая для данного языка на протяжении столетий. Наблюдаются регулярные реализации структурных схем предложений в языке, например: 1) обобщенно-личная регулярная реализация (вместо личного местоимения *ТЫ* в двусоставном): *Что тут скажешь!*; 2) фазовая регулярная реализация: *Они начали (продолжают, перестали) спорить*; 3) модальная регулярная реализация: *Он*

хочет (умеет, готов, должен) быть нужным; 4) отрицательная регулярная реализация *Курить запрещается – Курить не запрещается*; другие реализации (см. подробнее: Золотова, 1973, С. 196-226; Ломтев, 1972, С. 112-135; Современный русский язык, 1989, 664-675).

Отношение между предметом мысли (подлежащим) и предикатом мысли (сказуемым) есть «связь вещей» (положение дел) в структуре действительности, как она устанавливается, интерпретируется самим говорящим. Структура предложения есть структура мысли человека о действительном, реальном или виртуальном. Неслучайно в одном остроумном четверостишии используются наименования грамматических категорий в авторской интерпретации действительности:

Как все сложно-сочиненно,
 Как все сложно-подчиненно,
 Как все сложно бессоюзно,
 Как все сложно и как грустно.

Что касается грамматики, то, как в самом начале своей истории, так и в своем поступательном развитии, грамматическая теория всегда отвечала потребностям речи, оборачиваясь разными своими сторонами к разноплановым задачам практики. Со времен античности и по сей день структуру предложения понимают, прежде всего, как *логико-грамматическую формальную* организацию мысли. Такое понимание всегда складывалось из потребностей логически грамотной речи и письма.

С другой стороны, в XX веке научились анализировать богатое содержание предложения, или его *семантическую* структуру (этим достижением пользуется, в частности, машинный перевод). Взаимодействием социального и психологического направлений в лингвистике была возрождена давняя традиция, идущая из средневековья (от модистов), определять *смысловую* организацию предложения членением его на общее и личное, или диктум и модус (Балли, 1955). Кроме того, в 20-30-е гг. XX века появилась теория *актуального* членения предложения, демонстрирующая коммуникативную цель говорящего в контексте ситуации.

В курсе лекций «Основы русской грамматики» присутствуют все четыре аспекта членения состава предложения. Ниже приводятся краткие сведения о них и рекомендуемая литература.

1. Ф о р м а л ь н о – г р а м м а т и ч е с к и й аспект изучения предложения родился в логике и был подчинен отображению основных элементов мысли. Строение мысли универсально, и ему соответствуют общие черты в структуре предложения. Это субъект и предикат (предмет мысли и сообщение о нем). Поэтому классическим типом предложения в

грамматике признано *двусоставное* предложение с подлежащим и сказуемым. С другой стороны, распространенность большого числа *односоставных* предложений в русском языке – также грамматический стереотип, специфическая примета русской речи, признак богатства национального языка. О моделях предложений в системно-коммуникативном аспекте см.: Золотова и др. Коммуникативная грамматика...2004, гл. 3.

Логико-грамматическая, или формальная, структура предложения - это конструкция *грамматической основы*, или *предикативного минимума* предложения. Она предполагает распознавание всей структуры предложения с ее делением на *главные* и *распространяющие* (второстепенные) члены предложения.

Предикативный минимум не всегда бывает достаточным для создания реального предложения. Сравните: *Они очутились*. Поэтому введено было понятие *номинативного минимума* – дополнительных наименований, включаемых в структурную схему предложения для его организации как полноценной смысловой единицы (*Они очутились за городом*). Таким образом, в грамматике стала учитываться не только формальная, но и смысловая достаточность коммуникативной единицы, появилась тенденция обращаться к «вещественному» содержанию предложения, к его семантике.

2. Важнейшей предпосылкой к развитию **с е м а н т и ч е с к о г о** синтаксиса на базе логико-грамматической теории предложения стало стремление «не отделять грамматическое от лексического, рассматривая их как принципиально разные типы значения, сосуществующие в содержании значимой единицы языка. На этой основе происходит сближение учения о лексической семантике и семантического синтаксиса» (Современный русский язык, 1989, С. 676).

Семантическая структура предложения - это содержание предложения, представленное в типизированном виде с учетом тех элементов смысла, которые сообщает ему форма предложения (В. А. Белошапкова). В центре внимания – отображаемая в предложении ситуация, фрагмент действительности и ее семантическая модель, которая называется *пропозицией*.

Сначала выделяют ядро предложения, *предикат* (обычно это действие), затем вычленяют окружающие ядро предметные сущности, или участников действия. Их называют *актантами* (от англ. act – действие). Обычно это *субъекты* (подлежащие) и *объекты* (дополнения), например: *Женщина с ребенком переходила дорогу вне зоны перехода* (актанты подчеркнуты). Наименования, обозначающие разнообразные обстоятельства ситуации (*вне зоны перехода*), называют *сирконстантами*, то есть сопровождающими основу. По количеству актантов предикаты делятся на одноместные (*Собака проголодалась*), двухместные (*Собака спрятала кость*), трехместные (*Собака принесла добычу хозяину*) и

т.д. О структуре пропозиции см.: Кобозева, 2004, С. 219 и далее; Лингвистический энцикл. словарь: предикат.

Семантическая структура предложения не совпадает с логико-грамматической. Структурная схема у предложений может быть одна, а семантическое содержание разное. Сравните семантику предложений, образованных по схеме $У N_2 - N_1$: *У ворот скамья* (положение объекта в пространстве), *У сына велосипед* (принадлежность объекта субъекту), *У женщины обморок* (состояние субъекта).

Теоретическим основанием сближения синтаксиса и лексикологии стало положение, что в семантическом аспекте «предложение, подобно слову, является номинативной единицей». Только предложение – знак сложный (или полный), непосредственно соотнесенный с событием, ситуацией, тогда как слово – знак частичный, соотносимый с ситуацией при включении его в предложение (Гак, 1998, С. 205-209).

3. Другим направлением грамматических исследований в семантике стало изучение объективного и субъективного в содержании предложения, связанное в XX веке с именем швейцарского ученого Ш. Балли. С м ы с л о в а я о р г а н и з а ц и я предложения по Балли - это членение высказывания на *диктум* (то, что сообщается, предмет речи) и *модус* (то, кем и как сообщается, способ представления говорящим предмета речи). Балли определял *модус* как активную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме. Сравните: *Бедняга!* = *Я жалею этого человека, потому что он потерял отца*. См.: Балли, 1955; Современный русский язык /Под ред. В. А. Белошапковой, 1989; Краснова, 2002, С. 91-110.

Смысловая структура позволяет отделить в речи, с одной стороны, субъективную составляющую, связанную с лицом (Я) говорящего, а с другой стороны, объективную составляющую, не зависящую от субъекта речи (НЕ-Я), например:

Мимо Триумфальных ворот везли возами трупы погибших на Ходынке. - На беду это. Не будет проку от этого царствования. *Так сказал старый наборщик «Русских ведомостей», набравший мою статью о ходынской катастрофе* (В. Гиляровский).

Здесь присутствуют две точки зрения – субъективная точка зрения персонажа и точка зрения автора – объективного наблюдателя. Его субъективная составляющая может быть обозначена как рамочная: *Я видел и сообщаю, как...мимо Триумфальных ворот* и т.д. Большая часть наименований в тексте относится к объективной составляющей высказывания.

Иной тип смыслового членения предложений связан с коммуникативным заданием, которое выполняет высказывание в составе речи (текста). Это актуальное членение предложения.

4. Актуальное членение предложения (АЧ) выделяет данное (*тему*) и новое (*рему*). Терминология возникла в недрах объединения «Пражский лингвистический кружок» (В. Матезиус, Б. Гавранек, Н. С. Трубецкой и др.). Его главный идеолог В. Матезиус считал, что АЧ предложения следует противопоставить его формальному членению. «Основными элементами формального членения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения – это исходная точка [или основа]... и ядро высказывания» (Пражский лингвистический кружок, 1967, С.239).

Актуальный аспект предложения подразумевает ту сторону его содержания, которая отражает употребление его в определенной обстановке, в окружении других предложений. Различными средствами языка и речи выделяется та часть, или те элементы высказывания, которые говорящий считает главными для передачи собеседнику. Сравните: *Где ты встречал Новый год? Новый год я всегда встречаю дома*. Главным в предложении, то есть *ремой*, является обстоятельство. В состав исходного пункта сообщения входят наименования (и сопутствующие им смыслы): *ты, встреча Нового года*.

Хотя актуальное членение бинарно (тема и рема), возможны предложения с нулевой темой, когда весь состав предложения образует рему. Это высказывания нерасчлененного типа, где не выделяется «исходная точка» сообщения: *Пришла зима, Подъехал грузовик, Бьют часы*. Представленные предложения по своей семантике выражают значение ‘наличия, проявления’. Такие значения свойственны семантическому предикату, а в структуре АЧ – реме.

Очевидно, что актуальное членение больше связано с семантической структурой предложения и лексическим наполнением, чем с формальным аспектом предложения. Речь о формальном возникает лишь в связи со средствами выражения АЧ, к которым относятся порядок слов, интонация (фразовое ударение), частицы, специальные синтаксические конструкции. См.: Грамматика современного русского литературного языка, 1970; Валгина, 1976 (1995); Современный русский язык, 1989, гл. 9.

* * *

Характеристика *слова* и *предложения* во вводной части курса «Основы русской грамматики» складывается из представления о центральном месте и главных функциях этих единиц в системе языка и в речи. В то же время раздельное существование, а также исследование, этих единиц может показать их специализацию или доминирование в том или ином аспекте речи.

Важно заметить, что взаимодействие лексики и грамматики выразилось в сходстве слова и предложения как языковых единиц. Это сходство обозначилось: 1) по функциям

(денотации и сигнификации у слова, отождествления и характеристики у предложения), 2) по их типовым значениям (мыслительному и оценочно-прагматическому), 3) по их внутренней и внешней (обусловленной контекстом) структурности.

Следует добавить, что так называемый полевой подход в лингвистике получил распространение при описании *семантической структуры языка* в целом.

Согласно этому подходу, языковые поля охватывают единицы разных уровней системы. Сравните мнение Л. А. Киселевой: «Ядро эмоционально-оценочного поля образуют слова, основной функцией которых является выражение отрицательного или положительного отношения говорящего к называемому, сообщаемому (*отвратительный, гадкий, мерзкий, скверный, гадость, мерзость; прекрасный, прелестный, великолепный, чудесный, прелесть, чудесно* и др.), эмоционально-оценочные служебные морфемы (**-ач**: *ловкач, трюкач, -ан, -ян*: *горлан, смутьян, грубиян, -як*: *здоровяк, толстяк; -ец*: *глупец, слепец, храбрец, -яй*: *слюняй, кисляй, вихляй, -тяй*: *лентяй, слюнтяй, -ей*: *богатея, грамотей, дуралей, -ыш*: *глупыш, заморыш, -яг*: *деляга, миляга, добряга, работяга, -к*: *неженка, выскочка, -ук, -юк*: *злюка, подлюка* и мн. под.), эмоционально-оценочные синтаксические конструкции, например, предложения с фразеологизированной частью «**А еще** + существительное или глагол: «*А еще студент (инженер, учитель!)*»; «**Хорош** + существительное + *нечего сказать!*: «*Хорош учитель, нечего сказать!*»; «**Ай да** + существительное!»: «*Ай да девушка!*», «*Ай да Маша!*»; некоторые типы мнимо-вопросительных и мнимо-отрицательных предложений: «*Вы не можете помолчать?*», «*Кто этого не знает?*», «*Нельзя не знать этого!*» (Грамматика и лексика русского языка. Л., 1971, С. 78-79).

Итак, условность или невозможность полного разделения единиц языка в сфере семантики, связанной с коммуникацией, привела к смене приоритетных направлений в теории языка. Очевидно, что в современной грамматике значительная роль отводится функциональной и структурно-семантической составляющим описания языковой системы. А это как раз те аспекты ее рассмотрения, которые обращены к практике использования языка в контексте речевой деятельности.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976 (2002).
 Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
 Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1976 (1995).
 Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // В его же книге: Исследования по русской грамматике. – М., 1975
 Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Гак В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). // В его же книге: Языковые преобразования. М., 1998, С. 205-209.

Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. Синтаксис. / Изд. 4. – М., 1973 и др.

Грамматика русского языка. /Ред.: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина/ Т. П. часть 1. - М., 1960.

Грамматика современного русского литературного языка /Отв. ред. Н. Ю. Шведова/. М., 1970.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998 (2004).

Киселева Л. А. О языковых функциях и обусловленных ими языковых полях // Грамматика и лексика русского языка. Л., 1971, С. 66-93.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 2. М., 2004.

Коньков В. И. Речевая структура газетного текста. СПб., 1995.

Краснова Т. И. Субъективность – модальность. СПб., 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Рогова К. А. Стиль ленинской “Искры” и газеты “Новая жизнь”. Л., 1979.

Русская грамматика. Т. 2, М., 1980.

Современный русский язык /под ред. В. А. Белошапковой/. М., 1989.

Современный русский литературный язык. Учебник / под ред. П.А. Леканта. М., 1999.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Контрольные вопросы и задания

1. Как переводится с греческого языка слово *синтаксис*, и что изучает эта дисциплина?
2. Дайте определение понятиям *предложение* и *высказывание*. Образуйте несколько высказываний на основе одного предложения и объясните, чем они отличаются по ситуации.
3. Назовите основные признаки предложения, дайте их характеристику. Как понимают синтаксическую категорию «объективной модальности», почему она вызывает споры в современной лингвистике?
4. Чем отличаются грамматические значения от лексических значений? Поясните ответ примерами. На какие типы делятся грамматические значения, и почему они так называются?
5. Что понимают под грамматической формой? Приведите примеры морфологических и синтаксических форм.
6. Назовите функции предложений в языке и функционально-смысловые типы предложений в речи. Почему они так называются?
7. Определите, какая функция предложений (мыслеформирующая или коммуникативная) преобладает в составе нижеследующих фрагментов.

1. - Александр Григорьевич, я хочу поприветствовать...- начал было Владимир Путин.

Но белорусский президент резко перебил его.

- По статусу я должен вас представить и предоставить вам слово.

Статус белорусского президента заключался в том, что он в этот момент является председательствующим в союзном государстве. Гордиться тут, кажется, особо нечем, потому что никаких других признаков, кроме наличия председателя и реально расходуемого бюджета, у этого государства ведь нет. Хотя, может быть, именно поэтому господин Лукашенко так дорожит тем, что есть.

- По сложившейся традиции предоставляю слово президенту российской Федерации, – произнес белорусский президент.

Таким образом на наших глазах за полсекунды успела сложиться хорошая традиция.

Владимир Путин внешне никак не реагировал на то, что ему предоставили слово. Он рассказал, что Высший совет обсудит исполнение бюджета союзного государства за 2003 год, заслушает по этой теме Павла Бородина, обсудит программу согласованных действий России и Белоруссии в области внешней политики и программу шестидесятилетия победы в Великой отечественной войне. Всего в повестке дня было шесть пунктов.

Но все дело в том, что господин Лукашенко просил о восьми...

Вступительное слово господина Лукашенко было гораздо длиннее. Он вспомнил, что последним встречам двух лидеров сопутствовал «информационный всплеск в российских СМИ». В результате могло сложиться впечатление, что «у нас (в союзном государстве. – А. К.) все чуть ли не плохо».

- Но это не так, - безрадостно подчеркнул господин Лукашенко (А. Колесников).

2. Спонсоры в нашей стране за короткое время успели полюбить дзюдо как никакой другой вид спорта. Соперничать в любви спонсоров к дзюдо могут лишь горные лыжи. Так когда-то теннис...

При этом следует признать, что дзюдо – довольно странный вид спорта. Допускаю, что он требует трагической сосредоточенности, лисьей хитрости и загробного терпения. Может быть, дзюдо требует еще каких-то иезуитских качеств, наличие которых делает испуганного жизнью человека, каковыми так или иначе являемся мы все, первым среди равных. Так, можно предположить, что именно оно сделало простого человека из рабочей семьи Владимира Путина президентом обширной страны с большим количеством тонкостей, амбиций, комплексов и ускользающих сущностей. Из-за них страна наша делается все загадочней и загадочней для посторонних людей и все понятней для нас, простых людей из рабочих семей.

Но, даже учитывая все вышеперечисленное, нормальному человеку не становится интереснее смотреть дзюдо. Для человека, не разбирающегося в его тонкостях, дзюдо – скучный вид спорта. Теннис, короче говоря, мне все-таки больше нравится.

Но смотреть-то в субботу мне пришлось дзюдо (А. Колесников).

7. Найдите в составе приведенных выше текстов средства выражения модальности, их значения. С какой целью они используются и как влияют на восприятие читателем образов говорящих.

8. Какие 4 направления в современной грамматике связаны с представлением о членении предложения?

Приложение

(ключ к заданиям 7 разделов 2-3)

Ключ к заданию 7 раздела 2:

1. Сочетание с предлогом *благодаря* имеет одну логическую особенность: вряд ли кому-нибудь придет в голову благодарить за что-нибудь малоприятное. Правильно будет: *из-за падения сосульки....* больница.
2. Неверный выбор слова: *вернисаж* – торжественные мероприятия, проводимые в день открытия выставки (а не сама выставка).
3. Неверный выбор слова в составе предиката: значение слова *выглядывать* – ‘высовываться наружу и смотреть, что происходит вокруг’. Есть другой глагол, подходящий для ситуации, которую пытался описать журналист – *высматривать*, т.е. ‘находить, замечать’.
4. Ошибка связана с употреблением слов, близких по значению и звучанию (паронимов): *высиживать* и *насиживать*. Курица может *высиживать* только цыплят или птенцов. Правильный вариант – *курица насиживает яйца*.
5. Неправильное сочетание слов: наречие *мало* не сочетается с наречиями *столько* и *сколько*. Правильно: *как мало* или *так мало*.
6. Существуют прилагательные, в значении которых присутствует сема ‘высокая степень признака’: *великолепный, чрезвычайный, сверхдлинный*. Слово *гигантский* означает «необычайно больших размеров». От таких прилагательных обычно не образуют степени сравнения.
7. Языковая избыточность. Прилагательное *сегодняшний* уже имеет отношение к текущему дню. Правильно: *на сегодня*.
8. Неправильное сочетание слов: существительное *горстка* не сочетается с прилагательным *небольшая* по логическим основаниям (больших горсток не бывает).
9. Языковая избыточность и нелепость словосочетания: *госпитализировать* уже означает «класть в больницу».
10. Некорректное для русского языка словоупотребление: русское слово *госпиталь* (по сравнению с англ. *hospital* – ‘больница’) называет по преимуществу военное лечебное учреждение.
11. Бессмысленность ответной реплики, связанное с употреблением фразеологизма. Есть фразеологическое сочетание *более или менее*, имеющее значение ‘в некоторой мере’, ‘до известной степени’.
12. Нарушение логики, связанное с неразличением паронимов: *ванная* – комната, *ванна* – лохань для мытья.
13. Смысловая тавтология (повтор) и нелепость словосочетания, связанные с незнанием словарного значения французского слова *дебют*. Это значение включает сему «первый» (*дебют* – «первое выступление артиста на сцене»).
14. Языковая нелепость, связанная с незнанием словарного значения английского слова *delicate*: переводится как «тонкий, бережный». В рекламе речь идет о бережном отбеливании тканей. Возникающая по смежности аналогия путает предметы (человек и ткань). Если *деликатный* говорят о человеке, то это человек вежливый, предупредительный. О тканях можно лишь сказать, что они требуют бережного отношения.
15. Избыточное сочетание слов: *демобилизация* означает «увольнение военнослужащих из вооруженных сил», т.е. уже содержит в себе смысл «из армии».
16. Ошибка или запланированный комический эффект связаны с распространением состава фразеологического оборота *держатъ руки по швам*, т.е. держаться прямо.
17. Неправильное сочетание переходного глагола с существительным. Ошибка связана с тем, что слова *закончить* и *окончить* близки по значению («завершать», «доводить до конца»). В некоторых случаях они взаимозаменяемы (*окончить / закончить* речь; *окончить / закончить* работу; *окончить / закончить* дела). Однако есть случаи, когда такая замена недопустима. Если речь идет о завершении курса наук, то для этого используется только глагол *окончить*.
18. Неправильное словосочетание: *исправить* можно ошибку, *поправить* можно человека, допустившего ошибку.
19. Языковая избыточность. Глагол *предчувствовать* означает «чувствовать заранее».
20. Логическая ошибка журналиста, связанная с игнорированием значения слова: если информация уже была *исчерпывающей*, то черпать больше неоткуда и добавить к сказанному нечего.

21. Нелепость словосочетания: *карабкаться вниз* нельзя, так как этот глагол означает «лезть вверх, цепляясь ногами и руками за что-либо».
22. Языковая избыточность, связанная с употреблением иностранного слова: термин *кардиограмма* включает значение «сердце», т.к. образован из двух греческих слов *kardia* – сердце и *gramma* – черта, буква, написание. *Кардиограмма* – графическое изображение работы сердца, полученное с помощью прибора.
23. Языковая избыточность: глагол *кивать* означает «делать легкие движения головой, приветствуя кого-нибудь, одобряя что-нибудь, соглашаясь с чем-нибудь».
24. Нелогичное построение предложения, связанное с выражением *десять лет назад*. Наречие *назад* относится к настоящему моменту: называет количество времени, прошедшее от события до настоящего момента. Правильно будет: *Наполеон в последние годы жизни вел жалкое существование, хотя за десять лет до этого он был властелином полумира*.
25. Нарушение логики в сочетании слов: *познакомиться* можно только один раз, следовательно, выражение *первое знакомство* некорректно.
26. Языковая избыточность. Наречие *немного* и прилагательное с суффиксом –оват (*бледноват*) выражают уменьшение или ослабление качества.
27. Неправильный выбор формы сов. вида глагола (*обжарить* - значение кратковременности) вместо формы несов. вида *жарить* (значение длительности).
28. Неправильное словоупотребление: *обоюдный* означает «общий для двоих». Слово подходит для шахматного матча, а в данном случае журналист должен был использовать другое слово: *единодушное решение всех членов команды*.
29. Неуместное фразеологическое выражение в составе 2-го высказывания. Когда говорят об *обратной стороне медали*, имеют в виду нечто отрицательное, тогда как сама медаль ассоциируется с положительным событием.
30. Нелогичное сочетание слов. Слово *ограбить* означает «отнять что-нибудь у кого-нибудь силой». Ограбить багаж нельзя.
31. Языковая избыточность: *оглянуться* означает «посмотреть вокруг себя».
32. Нелогичное сочетание слов. Некоторые глаголы обозначают действия, которые можно совершить только один раз, а не первый, второй и т.д. раз. К таким словам относятся: *открыть, убить, уничтожить, воскресить* и др.
33. Стилистическое нарушение языковой нормы: литературным является слово *пожарный*.
34. Языковая избыточность. Слово *соседствовать* означает «располагаться в непосредственной близости с чем-либо».
35. Нарушение нормы словосочетания. В грамотной речи *уровень воды* может *повышаться* или *понижаться*.
36. Два нарушения нормы речи, связанные с ее вульгаризацией. 1. Вульгарное сочетание слов *ужасно хороша*. 2. Вульгаризация фразеологизма, сопровождаемая нарушением правила глагольного управления по аналогии с конструкцией *цена ч е г о?* (товара). Переносное выражение *знать цену* употребляется с дат. падежом сущ. (к о м у, ч е м у).
37. Лексическая ошибка, связанная со сходством звучания слов *чирикать* (издавать птичьи звуки, чириканье) и *чиркать* (быстро, небрежно писать, рисовать что-либо).
38. Языковая избыточность.
39. Неверная конструкция предложения: не перечислительность (с повтором союза), а соединение составляют значение данного предложения: *Старый метод и новый метод ничем не отличаются* (или *Старый метод ничем не отличается от нового*).
40. Безграмотное сочетание переходного глагола с дополнением. *Поделиться* (в переносном смысле) можно радостью или новостью. А эта радость может быть *неожиданным анилагом*.

Ключ к заданию 7 раздела 3:

1. Ошибка в сочетании переходного глагола с дополнением. *Нас просят объяснить* (ч т о?), *как жить дальше*. Ошибка возникла по аналогии с *рассказать о...*
2. Орфоэпическая и лексическая ошибка. Разные ударения в словах *занятой* и *занятый* различают смысловые ситуации: *занятой* - «обремененный заботами, не имеющий ни минуты

свободного времени» (человек); *занятый* - «заполненный чем-, кем-либо» (зал) или «занимающийся чем-либо в настоящий момент» (занятый разговором человек).

3. Безграмотное построение предложения. Существуют два синонимичных оборота *играть роль* и *иметь значение*, которые нельзя путать, но путают по причине аналогии.

4. Неправильное построение сложноподчиненного предложения. Синтаксическая норма требует: если в главном предложении определяемое слово выражено местоимениями *тот, та, те, такой, такая, такое, такие* или прилагательным, то в придаточном предложении следует пользоваться словами кто или что (а не словом *который*).

5. Неправильность связана с употреблением иноязычного слова в составе словосочетания. Англ. *line* означает «ассортимент; партия товаров; серия изделий». Правильно будет: *Появилась новая линия товаров фирмы «Проктер энд Гэмбл»* или *Фирма «Проктер энд Гэмбл» освоила новую серию изделий.*

6. Здесь две грамматических ошибки. В первом предложении ошибка связана с языковой тенденцией к анализируемому. По правилам литературной нормы должны склоняться обе части устойчивого словосочетания: *с днем рождения.*

Во втором предложении ошибка возникла по причине аналогии: глагол *говорить* может быть переходным и подчинять отвлеченные существительные в вин. падеже (*говорить что? правду, чушь* и т.п.), но не существительное *вопрос*. Оно по традиции распространяет другие переходные глаголы: *задать, поставить* или *поднять вопрос.*

7. Неправильное построение предложения. Подлежащее должно стоять в имен. падеже: *Ничто меня уже не интересует.*

8. Нарушение правила глагольного управления. Слово *одолжить* означает «дать в долг кому – то». Следовательно, правильными будут фразы *Я одолжил приятелю 500 рублей* и *Я взял у приятеля в долг 500 рублей.*

9. Языковая избыточность. Значение глагола *приостановить* – «остановить на некоторое время» - уже включает смысл «временно».

10. Ошибка возникла по причине языковой аналогии: глагол *описывать что – то* по смыслу напоминает глагол *рассказывать о чем – то*. В нормированной речи глагол *описывать* не требует после себя предлога. Он означает «изображать кого-то или что-то», хотя в переносном значении имеет смысл «рассказывать о ком-то или о чем-то» (описал свое путешествие в Италию).

11. Ошибка в сочетании глагола и существительного, возникшая в результате процесса аналогии. Глагол *оплачивать* – переходный, т.е. не требует после себя предлога с существительным (правильно: *оплачивать проезд*), в то время как глагол *платить* управляет существительным с предлогом (*платить за проезд*).

12. Языковая избыточность. Иноязычное слово *оптимальный* уже означает «наилучший».

13. Лексическая неправильность связана с нечетким пониманием значений сходных по звучанию слов (паронимов). Правильно: *основные различия*. Слово *отличие* означает «признак, создающий разницу между данным предметом и другими предметами», а слово *различие* означает «несходство между чем-либо».

14. Грамматическая ошибка: деепричастные обороты должны относиться к подлежащему. Правильный вариант - *Узнав об этом, он разволновался. У него случился инфаркт.* Можно использовать придаточное предложение: *Когда он узнал об этом, у него случился инфаркт.*

15. Грамматически неправильное склонение числительного *полтора*. В этом слове (как и в слове *полсотни*) при склонении во всех падежах, кроме винительного, появляется *у*. Следует говорить: *в полутора километрах от дороги.*

16. Неправильное построение мысли. Журналист объединил по принципу аналогии два словосочетания в одно, игнорируя разницу в их значениях: *представлять собой* - «быть, являться кем, чем-л' и *представлять интересы* – «быть выразителем чьих-то мнений, взглядов и т.п.»

17. Нарушение правил глагольного управления: *замалчивать что?* (а не о чем). Правильно: *Власти старались замалчивать информацию об этой войне.*

18. Языковая избыточность. Глагол *предопределять* имеет значение «заранее определять что-либо».

19. Ошибка с предложным управлением. Глагол *разобраться* имеет разное значение в зависимости от предлога с дополнением, которым он управляет: *разобраться в чем – то...* означает «исследовать и понять что – то», «получить ясное представление о предмете»; сочетание *разобраться с кем – то...* имеет разговорный и криминальный оттенок (ср., уголовное *разборка*).

20. Две грамматические ошибки, связанные с глагольным управлением. Первая ошибка возникла по аналогии с *рассуждать о...* Глагол *комментировать* – переходный, т.е. дополнение после него должно быть без предлога (в вин. падеже): *Как будет развиваться ситуация, никто не берется комментировать.*

Вторая ошибка возникла по аналогии с *рассказать что-либо о...* Глагол *объяснить* также требует прямого дополнения (в вин. падеже): *объяснить ч т о?* Правильно: *Милиция объяснить суть происшествия отказалась.*

21. Две грамматические ошибки. Первая ошибка связана с глагольным управлением. Глагол *разуть* употребляется в ситуации «снять с кого-либо обувь», например, *разуть можно ребенка*. В составе обращения следует говорить: *Сними уличную обувь.*

Вторая ошибка связана со склонением существительных. В современном литературном языке существительное *туфля* женского рода, следовательно форма род. падежа ед. числа – *моей туфли*.

22. Отсутствие логики из-за неверного выбора слова: *результат* – «конечный итог спортивного состязания, выраженный в цифрах». Увеличить можно счет, а не результат.

23. Нарушение грамматического управления в составе словосочетания: *рецензия* пишется на какое-л. произведение.

24. Нарушение лексической и орфоэпической нормы. Существительное *ро'злив* используется в профессиональном языке (*установка по розливу пива*) Правильным будет объявление «*Пиво в разли'в*».

25. Смысловая тавтология. *Алкоголизм* – заболевание, а смысл «вред заболевания» – нелепый повтор.

26. Две грамматические ошибки. Первая ошибка связана с просторечным употреблением предлога *с* вместо *из*. Вторая ошибка лексико-грамматическая. Говорящий путает глаголы *ругать* (плохо отзываться о ком – то) и *ругаться* (высказывать друг другу упреки или произносить бранные слова) и, кроме того, выбирает неверное предложное управление *не ругайся на меня* вместо *не ругайся со мной*.

27. Языковая избыточность. Невозможно *сочетаться* иначе как вместе.

28. Название кровельного покрытия *толь* мужского рода и склоняется соответственно (род. падеж – *не хватает рулона толя*).

29. Языковая избыточность. Фразеологизм *точки соприкосновения* сам по себе означает «что-либо общее, взаимно связывающее кого-либо».

30. Орфоэпическая и лексическая ошибка. Есть глагол *уполномочивать*, т.е. «поручать сделать что-л.», «давать полномочия».

31. Ошибка связана со склонением существительных Нормативный вариант форм существительных *чулки, носки* в род. падеже множ. числа - *чулок, но носков*.

32. Смысловая нелепость, возникшая под влиянием английского глагола *to shock* – «потрясать». В русском языке глагол *шокировать* означает «вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм, ставить в неловкое положение».

33. Использованные формы глагола *щипать* не соответствуют литературной норме: при спряжении глагола *щипать* возникает буква «л»: *ты щиплешься, не щиплись*.

34. Ошибка связана с употреблением деепричастного оборота. Он должен относиться к подлежащему и сказуемому, которое согласуется с подлежащим: *Администрация, словно сговорившись, отсутствовала*.

35. Ошибка связана с применением глаголов сов. вида в ситуации продолженного действия, когда требуется глагол несов. вида. Правильно: *вы будете чувствовать облегчение*.

36. Выбор предлога, подразумевающего длительность (*в течение двадцати лет*), никак не соотносится с глаголом сов. вида, длительности не подразумевающим (*было предано забвению*).

37. Неправильный выбор формы сов. вида глагола (*прокипятить*) вместо формы несов. вида *кипятить* (значение длительности).

38. Нелепый смысл из-за нарушения правил глагольного управления. Слово *одевать* означает «облекать к о г о - т о в какую-либо одежду». Например, одевают ребенка (а надевают рубашку). *Переодевают* также к о г о - т о, а не что-то. Правильно будет: *Надо переодеться; надеть другое платье (новую рубашку, галстук).*

39. Неправильное построение предложений. Слово *призывы* в первой части предложения требует определителя *ка к и е?* (а не *ч т о* или *о ч е м?*). Правильно: *раздавались призывы девальвировать рубль.*